ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ РАБОЧИХ СОЮЗОВ БЕЗВЛАСТНИКОВ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

9219 RUSSELL STREET DETROIT, MICH.

№ 76—77. НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 1936 Г.

Революционная борьба в Испании

Испания — классическая страна инквизиции — может быть названа классической страной революций. Ни в одной европейской стране за последние несколько десятилетий не произошло столько бунтов, восстаний и революций, сколько в «неведомой» Испании. Правда, последние носили случайный, спорадический характер, но они оказали глубокое влияние на психику народа. Испанцы по темпераменту — народ пылкий и храбрый: они легко возбуждаются и, воодушевленные идеей, готовы на самопожертвование. Крайние, революционные и анархические, идеи давно уже пустили глубокие корни в испанском народе. Испанские рабочие, землеробы и другие слои бедного народа долгое время терпели гнет и насилие со стороны капиталистов, властителей и церковных мракобесов, и уже на заре своего социального пробуждения испанское освободительное движение вступило на путь прямого революционного действия, борясь под знаменем анархизма и применяя в своей борьбе методы экономического и политического террора, всеобщую стачку, саботаж и экспроприацию. И через всю историю Испании красной нитью проходит героическая борьба за социально-экономическое освобождение — за полное освобождение от капитала, власти и церкви.

Еще 80 лет тому назад, в 1856 году, в Испании вспыхнула первая грандиозная всеобщая стачка, закончившаяся частичной победой рабочих. А спустя 12 лет, в 1868 году, разразилась революция, добившаяся смещения старой династии Бурбонов и учреждения конституционного правительства. Последующие годы ознаменовались аграрно - политическими волнениями крестьян, развитием анархического движения в Андалузии и Каталонии (под влиянием революционной пропаганды Михаила Бакунина), всеобщей стачкой металлистов в Барцелоне и целым рядом крупных и мелких вспышек социально-экономического характера.

Начиная с весны 1931 года, Испания находится словно на вулкане. Благодаря новой революции, уничтожившей ненавистное королевство и об'явившей Испанию демократической республикой, не проходит года, нет, месяца, чтобы страна не пережила новых вспышек и новых контрреволюций со стороны реакционеров, фашистов и других ее врагов. И в настоящее время вся Испания об'ята пламенем революционной гражданской борьбы против черных сил реакции, фашизма и милитаризма.

В течение ряда месяцев длится ожесточенная, кровавая борьба между двумя лагерями: фашистами и антифашистами, врагами республики и свободы и об'единенным народным фронтом рабочих, синдикалистов и анархистов. Обе воюющие стороны не щадят друг друга, и кровь льется реками. Есть, однако, большая разница между борющимися силами: на стороне испанской республики героически борются трудовые массы рабочих, крестьян и сознательной интеллигенции, передовые отряды которых составляют десятки тысяч анархистов, синдикалистов, социалистов и республиканцев. На другой стороне мобилизованы огромные кадры диких, наемных солдат-убийц, так называемых черных мавров, привезенных за большую плату испанскими капиталистами и империалистами из Северной Африки. Эти дикие солдаты не знают, конечно, за что и против кого они борются; они лишь знают, что им платят за кровавую работу — за убийство, насилие и грабеж, и они исполняют свою миссию с кровожадностью зверей. И если бы не военная помощь со стороны фашистских держав — Италии, Германии и Португалии, снабжающих испанских фашистов деньгами, солдатами, амуницией, военными судами и самолетами, то победа, несомненно, осталась бы на стороне геройских защитников молодой испанской республики.

Охваченная революционным пожаром, Испания была мало подготовлена к борьбе с фашистским восстанием. Но зато ее передовая, революционная часть, в лице синдикалистской Конференции Труда и Анархической Федерации, насчитывающих в своих рядах около одного миллиона членов, не раз предупреждала трудовой народ о готовящемся фашистском нападении. Это лучше всего свидетельствует состоявшийся в Сарагоссе в начале мая этого года (за два месяца до фашистского восстания) всеобщий конгресс анархистов и синдикалистов.

Этот конгресс решил выступить решительной борьбой против всех принудительных законов; против смертной казни; против всяких политических и диктаторских партий, стремящихся к захвату власти и господству над народом. Конгресс, далее, постановил: бороться за амнистию всех заключенных революционеров и за полную свободу слова и печати. Бороться против войны, милитаризма и фашизма. Об'явить революционную всеобщую стачку в случае возникновения войны. Захватить фабрики, заводы и другие промышленные предприятия в случае если фабриканты об'явят локаут. Ввести 36-часовую рабочую неделю; предоставить работу безработным. Установить пенсии для рабочих старше 60 лет, и для женщин старше 40 лет. Упразднить детский труд и ночную работу.

Эти постановления конгресса вызвали целую бурю в стране. Капиталисты и власть имущие не на шутку испугались. Они поняли, что начатая народом борьба будет серьезной и решительной схваткой между старым миром умирающего капитализма и новым миром прогресса, свободы и подлинного социализма. И не напрасно, очевидно, выступили против об'единенного фронта рабочих и революционеров все реакционные силы капиталистического общества — аристократы, банкиры, купцы вкупе с фашистами, милитаристами и черными силами католической церкви.

Но несмотря на многочисленные жертвы, понесенные антифашистским фронтом, начатая борьба продолжается, и некоторые провинции, захваченные революционерами, в настоящий момент контролируются об'единенными комитетами, состоящими из республиканцев, социалистов, анархистов и синдикалистов. Так, например, в Каталонии, освобожденной от фашистской опасности, действует об'единенный комитет анархистов и социалистов, наметивший в своей практической программе следующие пункты:

1. Об'единенный комитет основан на базисе полной — духовной и организационной — самодеятельности принадлежащих к нему организаций

2. Комитет ставит своей задачей выработку общих лозунгов для обоих течений (анархизма и социализма).

3. В своей общей работе комитет ответственен перед народной милицией.

4. Народная милиция основана на принципе революционной дисциплины. Милиционеры поочередно несут добровольную службу.

5. Комитет об'являет рабочий контроль над банками, промышленностью и транспортом.

6. Комитет рекомендует рабочим — членам анархических и социалистических организаций, занятым на фабриках, заводах и других промышленных предприятиях, образовать общие комитеты пропорционально числу членов каждой организации.

7. Обе организации гарантируют взаимное уважение и свободу организации в промышленной сфере деятельности.

8. Обе организации обязуются избегать личных споров. Критика будет вестись в товарищеском духе.

9. Комитет имеет свои регулярные заседания три раза в неделю; в случае необходимости, он созывает экстренные заседания. Комитет выступит с манифестом ко всем рабочим и анти-фашистам мира о моральной поддержке Испанской республики.

10. Комитет обращается к синдикалистской и социалистической организациям народа с призывом о совместной революционной работе с целью освобождения Испании от проклятых сил фашизма и диктатуры.

Надо отметить, как знаменательное явление, что революционная Испания в своей «переходной стадии» не идет по пути советской России, и что испанские коммунисты, правда, немногочисленные, совсем не помышляют о пролетарской диктатуре. Анархисты же, увлеченные борьбой с фашистами, поддерживают республику и об'единенный фронт. Можно поэтому надеяться, что, созданный в пламени революции, об'единенный комитет сыграет большую роль в развитии революционных событий в Испании, ставшей на путь социально - экономического освобождения. Можно также надеяться, что испанские республика, после победы над фашизмом, не окажется мачехой для помогающих ей анархистов и синдикалистов, революционным путем добивающихся свободы и права автономной, анархической жизни.

Л. Липоткин.

**
*

ОПЕЧАТКИ

Статья Л. Липоткина в № 74—75 «Пробуждения» должна быть озаглавлена, вместо: «Анархия и классовая борьба», «Анархизм и классовая борьба». Первые два предложения в начале статьи должны читаться так: «Одним из многих важных вопросов современного рабочего движения является вопрос об отношении анархизма к классовой борьбе. Благодаря частым столкновениям труда и капитала, это вопрос приобретает жгучий и злободневный характер».

JEAN GRAVE

ОПЯТЬ ВОПРОС „ЧТО ДЕЛАТЬ?"

Найдутся люди, которые назовут меня странным болтуном, потому что я постоянно возвращаюсь к одному и тому же предмету. Но это значения не имеет. Подлежащий обсуждению вопрос слишком для меня важен и слишком часто о нем забывают, — поэтому я и настаиваю на нем. Лишь ударяя постоянно по одному и тому же гвоздю, можно его, в конце концов, вбить как следует.

В последней статье я писал о «шатаниях анархической пропаганды» и перечислил в тысячу первый раз начатки тех экономических группировок, которые нужно создать в ходе пропаганды. Эти зародыши организации уже с первых шагов революции должны быть в состоянии занять место экономического механизма капиталистической системы, который будет разрушен. При этом условии производство, а следовательно и потребление, не будут принуждены к остановкам.

«Мы хотим революции». Согласны, хотя было бы более правильно сказать, что революция силою обстоятельств и без того станет необходимостью.

Революция совершится не потому, что мы ее хотим, но потому, что она станет неизбежной, когда завершится в умах эволюция идей, и еще потому, что, если не большинство, то по крайней мере сильное меньшинство поймет, что существующий общественный строй выгоден лишь для небольшого меньшинства, за счет массы. Тогда этот строй должен будет совершенно преобразиться к выгоде для всех.

А так как люди, извлекающие выгоду из существующего порядка вещей, не откажутся от своих привилегий по доброй воле, то нужно будет прибегнуть к силе, чтобы их вытеснить. А отсюда революция.

Но революция — не цель, а средство. И это средство послужит лишь для того, чтобы расчистить почву от старых учреждений. Это даст возможность соорудить основы новых учреждений, способных с пользою заменить разрушенные учреждения.

***

Ибо, будет ли революция, или нет, а необходимо, чобы не было пропасти между обществом сегодняшним и обществом завтрашним. Под страхом возбудить против себя недовольство населения, необходимо устроить так, чтобы население не оказалось вынуждным нести лишние тяготы,—а именно это и произойдет, если производство окажется приостановленным. Для того, чтобы этого не случилось, — здесь я опять сажусь на своего конька, — необходимо, чтобы оно могло продолжаться без перерыва. Для этой цели необходимо иметь совершенно готовым, по крайней мере, остов нового порядка вещей. Ибо если бы пришлось ждать, пока революция совершится, для того, чтобы этим заняться, то было бы слишком поздно.

Новое общество не создается по мановению волшебной палочки. Нужно предварительно составить себе представление об его составных частях, подготовить его остов, сделать его, если не совершенным, то по крайней мере годным для использования без слишком больших затруднений. Тогда опасность остановок удастся избежать.

Ибо, опять таки, над этими основами будущего общества надо размышлять не тогда, когда в них возникает нужда и когда их придется импровизировать. Осуществлять их нужно, по мере возможности, в ходе пропаганды.

Разумеется, создавать их придется в малых размерах, но с тем, чтобы их можно было приспособить к обстоятельствам, когда наступит момент пустить их в ход в новой обстановке, созданной революцией.

В свое время, уже были сделаны попытки создать этот аппарат, способный заменить капиталистический аппарат. Эти попытки имели целью практические улучшения, к непосредственной выгоде для инициаторов этих попыток, теперь же, в современном обществе. При этом никто не давал себе отчета в том, что эти же группировки могли бы пойти дальше, вплоть

до организации нового социального порядка. Вообще говоря, участники этих попыток видели в них лишь средство освободиться от хозяев.

Таковы были, в особенности, так называемые, «земледельческие колонии», члены которых вместе работали и вместе жили продуктами своего труда.

***

Ничто не может быть более логичным, чем желание отделаться от хозяев, но, к несчастью, задней мыслью некоторых колонистов — хотя они, быть может, и не вполне отдавали себе в этом отчет — было представление, что когда они будут работать свободно, по своему усмотрению, то смогут позволить себе делать дело, «не торопясь».

Между тем, все эти товарищества начинаются без гроша. Чтобы возместить нехватку денег, надо было работать больше и подвергаться большим лишениям, чем работая в мастерской, и таким путем добиться желанных результатов. Отсюда горькое разочарование некоторых. Попытки терпели неудачи и, наконец, прекратились. О них теперь нет больше речи. Жаль, что так, ибо они поддерживали усердие пропагандистов и, помимо непосредственных выгод, которые можно было бы извлечь из них, они могли бы, если бы распространились по всем районам, обеспечить снабжение. Тогда население соседних местностей, наученное их примером, могло бы легче быть завоевано новыми идеями.

Если некоторые из этих предприятий потерпели крушение из-за недостатка понимания у их сторонников, то другие идеи также могли бы принести немедленное улучшение положения участников их и послужить мостом для перехода от нынешнего общества к завтрашнему, если бы они были осуществлены на практике и развиты до известных пределов. Но ничто не было предпринято для их осуществления. Все же, они превосходны и пригодятся в тот день, когда захотят снова принять их в соображение и осуществить некоторые из них.

Таков предложенный одним товарищем проект коллективных мастерских, куда каждый ходил бы работать в свободное время, чтобы производить для себя или для своих близких предметы, в которых они нуждались бы, по своему усмотрению. Такие мастерские, если бы идея их была понята, могли бы оказать большие услуги, не только своим участникам в современном обществе, но также и для облегчения революции.

Наконец, кооперативы — как потребительные, так и производительные, если таковые существуют. Путем некоторой пропаганды в их среде, можно было бы показать им, какую роль они могли бы сыграть в деле облегчения перехода от старого общества к новому.

***

Все эти проекты, в свое время задуманные, хотя они и не были осуществлены, или же потерпели крушение, все же были выдвинуты, что говорит об известной активности ума тех, кто принимал участие в пропаганде. Но что оправдывает заглавие моей последней статьи — «Шатания анархической пропаганды», — это то, что в настоящее время никто не заботится ни о том, чобы оживить эти проекты, ни о том, чтобы выдвинуть новые. Болтают, болтают, но ничего не делают. Думают, что занимаются пропагандой.

Ибо — об этом не следует забывать — военная победа революции была бы сведена к нулю в смысле ее результатов, если бы победители оказались вынужденными сохранить экономический аппарат капитализма, за неимением чем заменить его. Это и произошло в Германии после войны.

Мы видели это в ходе политических революций. Изменение имен учреждений, смена людей у власти, ничего не изменяет на деле. Учреждения могут дать только то, для чего они созданы. Закон, применяемый именем Республики, а не именем короля, от того не в меньшей степени является стеснением свободы большинства людей. Это простая замена одного слова — другим.

Это произошло на наших глазах и в России. Там сделали революцию, «ссадили» царя, но увеличили бюрократию, полицию,

БАКУНИН В ПАРИЖЕ

«Признать отставного прапорщика Михаила Бакунина, 28 лет, виновным в преступных за-границей сношениях с обществом злонамеренных людей и в ослушании вызову правительства и высочайшей воле о возвращении в Россию, за что лишить его чина и дворянского достоинства и сослать, в случае явки в Россию, в Сибирь, на каторжную работу, а принадлежащее ему имение, буде таковое окажется, взять в секвестр».

Об этом решении правительственного сената, утвержденном Николаем 1 12-го декабря 1844 года, Бакунин, находившийся в Париже, узнал случайно. Оно не было, впрочем, для него полной неожиданностью.

Еще в начале 1844 г., когда он явился в Берне в русскую миссию для визирования своего паспорта, русский поверенный в делах Струве об'явил ему требование правительства о немедленном возвращении в Россию. Бакунин расписался в об'явлении этого распоряжения, но решил ему не подчиняться. Теперь, после постановления сената, он становился не только фактически, но и юридически политическим эмигрантом, представителем той новой и весьма еще малочисленной группы русских людей. До него к этой группе принадлежали Н. И. Тургенев, Н. И. Сазонов, бывший член герценовского кружка, и одновременно с Бакуниным стал эмигрантом И. Г. Головин. Он тоже отказался вернуться в Россию, и был лишен прав состояния.

армию, и без того чрезмерно многочисленные. Стали расстреливать «именем народа», вместо «именем царя». Но большинство людей ничего от того не выиграли, ибо я не вижу решительно никакой выгоды в том, чтобы быть расстрелянным «именем народа», вместо «именем царя». Бесполезно делать революцию для того, чтобы получить такой жалкий результат.

Тем важнее иметь под руками, по крайней мере, первый набросок новых экономических органов в день революции, если мы хотим добиться поддержки населением нового порядка вещей. Эта перемена не должна принести усиления нищеты, что неизбежно произойдет, если производство будет дезорганизовано.

Напротив того, если мы хотим привлечь население, то нужно, чтобы революция принесла ему хотя бы некоторое улучшение его участи.

***

И это тем более, что мы не знаем, сколько времени продлится социальная революция. Что политические революции совершаются в два-три дня, в этом нет ничего удивительного. Там дело идет лишь о поверхностных изменениях, тогда как в революции действительно социальной происходит полное превращение режима. Те, кого придется лишить их привилегий, будут сопротивляться тем более свирепо, что они не будут видеть никакой возможности спасти хотя бы часть их. Борьба будет продолжительной.

Ах, если бы все обездоленные сознавали свои права и нелогичность нынешнего режима, — тогда капитализм, вынужденный опираться лишь на свои собственные силы, не мог бы долго сопротивляться. Но, что бы мы ни делали, как бы ни была интенсивна наша пропаганда, всегда окажется достаточно глупцов, которые не посмеют противостоять власти и позволят использовать себя для ее защиты до тех пор, пока она не будет окончательно свалена на землю.

Задача, следовательно, состоит в том, чтобы не дать захватить себя врасплох и теперь же подготовить все, что сможет облегчить устроение нашего идеального общества.

Ж. ГРАВ.

Головин напечатал против такого режима правительства протест во французских газетах, начав этим свою продолжительную публицистическую деятельность, разоблачавшую русское правительство, сановников и знать 1).

Бакунин также поместил в парижской радикальной газете «Реформа» большое и резкое письмо, в котором нападал на царизм, на личность самого Николая 1, и выражал свою веру в революционное будущее русского народа.

Смелый и резкий язык этого письма был настолько необычен для тогдашних русских людей, что, по словам Герцена, удивил их так. как удивляет свет сидевшего в темной конуре».

В этом письме была фраза, имевшая для Бакунина большое значение. «Я держусь, — писал он, — того мнения, что для несчастных и угнетенных стран, как Россия и Польша, нет другого спасения, кроме демократии». Поляки - эмигранты, с которыми Бакунин имел связи еще в Германии и Швейцарии, почуяли в новом русском эмигранте возможного союзника для борьбы с русским правительством.

Перевод письма Бакунина был помещен в польской газете «Белый орел», а глава польских эмигрантов, князь Адам Чарторыжский пригласил его к себе. С поляками у Бакунина, впрочем, близких отношений не завязалось. Ему был более близок демократический, незначительный, впрочем, круг польской эмиграции.

Связи Бакунина в Париже были очень велики и разнообразны. Со свойственной ему общительностью, он перезнакомился с самыми крупными французскими демократами — писателями и политиками, знал немецких эмигрантов - «коммунистов», и, конечно, вращался в обществе своих соотечественников, как живших в Париже, так и приезжавших туда.

Известен очень характерный для Бакунина разсказ Герцена об их встрече в Париже. Герцен с женой приехали 25-го марта 1847 года, и в тот же день натолкнулись на улице на Бакунина. Он шел с тремя знакомыми, и, точно в Москве, проповедывал им что-то, беспрестанно останавливаясь и махая сигареткой. «Проповедь» была одним из главных занятий Бакунина. «Разсказывать ли вам обо всем, о чем мы болтали в тот вечер? — писал Бакунин Эмме Гервег, сообщая о том, как провожали В. П. Боткина. Разве вы не устали от русских и разве вам не надоело это безплодное воодушевление, эта платоническая любовь к свободе, прекрасные мечтания, уносящие в голубую высь всех этих симпатий и стремлений, которые только там, далеко в Турции и в Азии и то едва-ли через два-три столетия найдут свое осуществление?».

Бакунину было не по себе в Париже. В «Исповеди», написанной для Николая 1, в Шлиссельбурге, он вполне искренно — такие же мотивы есть и в его письмах к близким — признавался, что «тяжело, очень тяжело мне было жить в Париже. Не столько по бедности, которую я переносил довольно равнодушно, как потому, что пробудившись, наконец, от юношеского бреда и от юношеских фантастических ожиданий, я обрел себя вдруг на чужой стороне, в холодной нравственной атмосфере, без родных, без семейства, без круга действия, без дела, и без всякой надежды на лучшую будущность, Оторвавшись от родины и заградив себе легкомысленно всякий путь к возвращению, я не сумел сделаться ни немцем, ни французом; напротив, чем долее жил за-границею, тем глубже чувствовал, что я русский и, что никогда не перестану быть русским... Мне так бывало иногда тяжело, что не раз останавливался я вечером на мосту, по которому обыкновенно возвращался домой, спрашивая себя, не лучше ли я сделаю, если брошусь в Сену и потоплю в ней безрадостное и безполезное существование?... К тому же в это время весь мир был погружен в тяжелую летаргию. Тогда еще ник-

1) М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем. Томы 3-ий и 4-ый. Издательство Политкаторжан. Москва, 1935.

то не предвидел, что эта тишина была тишина перед бурею».

Чем больше приближался 1848-ой год, тем все увеличивались предвестия этой бури. Среди них оказалось и выступление Бакунина на собрании, устроенном парижскими поляками 27-го ноября 1847 года в память 17-ой годовщины польского восстания. В «Исповеди», Бакунин разсказывает «что в это время он с польскими демократами более не виделся, но видел много молодых поляков, бежавших с родины, в 1846 году. В ноябре месяце я был болен и сидел дома с выбритою головой, когда ко мне пришли двое из сих молодых людей, предлагая произнести речь на торжестве, совершаемом ежегодно поляками и французами в память реболюции 1831 года.

Я с радостью ухватился за эту мысль, заказал парик и, приготовил речь в три дня, произнес ее в многолюдном собрании». Председательствовал на собрании французский депутат Вавэн. Бакунин призывал к об'единению русских и польских революционеров для совместной борьбы и победы над самодержавием. Речь имела огромный успех, была напечатана в той же «Реформе» и выпущена отдельным изданием. Бакунин был и до того на плохом счету у французской полиции, и русскому послу Киселеву не стоило большого труда добиться его высылки. 14 декабря Бакунин получил распоряжение покинуть Францию.

В Париже шла тогда кампания оппозиционных банкетов, и радикальные ораторы использовывали высылку Бакунина для нападок на правительство Гизо. Сам Бакунин, уехавший в Брюссель, обратился оттуда во французскую палату депутатов с жалобой по поводу высылки, и просил Вавэна поддержать эту жалобу. Прения о высылке произошли 4 февраля 1848 года при обсуждении ответного адреса на тронную речь. Дебаты возгорелись по поводу пункта адреса, гласившего: «Верная делу благородного народа, Франция напоминает Европе о правах польской нации, столь громко провозглашаемых договорами». Вавэн, красноречиво описав страдания польской эмиграции, перешел к митингу 27-го ноября и к речи Бакунина.

«Эта речь, — говорил оратор, — не содержала ни слова о правительстве нашей страны, ни слова, в котором можно было бы усмотреть хотя бы отдаленный критический намек на наши внутренние дела; однако, этот русский эмигрант г. Бакунин, был изгнан из Парижа и выслан из Франции. Таков странный, горестный, я сказал бы почти постыдный для нашей страны факт, по поводу которого я хотел бы получить некоторые об'яснения от господина министра. Я воздержусь от всяких замечаний по поводу удивительного совпадения нашей политики с политикой русской.

В защиту Бакунина выступил еще ряд ораторов; им отвечали министр внутренних дел Дюшатель и сам премьер Гизо. Дюшатель заявил, что «русских эмигрантов не существует, русской эмиграции по политическим причинам нет. Бакунин не был эмигрантом; он проживал в Париже, как все остальные русские, путешествующие во Франции. У французского правительства имелись серьезные мотивы для того, чтобы не терпеть долее пребывание его у нас». А Гизо «не поколебался заявить, что если бы на собрании такого рода в Петербурге французский король был назван палачом, тираном, угнетателем, неважно по какому поводу, я немедленно протестовал бы во имя уважения, следуемого в силу международного права, государю, с которым состоишь в нормальных отношениях. То, чего мы потребовали бы от других, мы намерены применять по отношению к ним».

Речь Бакунина и его высылка вызвали много шума и во французской и в немецкой печати, а сам Бакунин поместил в «Реформе» резкое открытое письмо к Дюшателю. Но очень скоро он мог свободно вернуться в Париж, и в такой Париж, где сбывались самые заветные ожидания.

Впечатления Бакунина от революционных февральских дней в Париже очень ярко выражены в той же «Исповеди», и

странно думать, что эти горячие страницы предназначались для Николая 1.

«Лишь только я узнал, — пишет Бакунин, — что в Париже дерутся, взяв у знакомого на всякий случай паспорт, отправился обратно во Францию. Но паспорт был ненужен; первое слово, встретившее нас на границе, было: «в Париже провозглашена республика». У меня мороз пробежал по коже, когда я услышал это известие. На дороге мне было весело, что же скажу вам, государь, о впечатлении, произведенном на меня Парижем? Этот огромный город, центр европейского просвещения, обратился вдруг в дикий Кавказ: на каждой улице, почти на каждом месте баррикады, взгроможденные как горы, и досягавшие крыш. А на них, между каменьями и сломанной мебелью, как лезгинцы в ущельях, работники в своих живописных блузах, почерневшие от пороху и вооруженные с головы до ног; из окон выглядывали боязливо толстые лавочники, с поглупевшими от ужаса лицами; на улицах, на бульварах, ни одного экипажа; исчезли все молодые и старые франты, все ненавистные львы с тросточками и лорнетами, а на место их мои благородные увриеры торжествующими, ликующими толпами с красными знаменами, патриотическими песнями, упивающиеся своею победой. И посреди этого безграничного раздолья, этого безумного упоения все были так незлобивы, сострадательны, человеколюбивы, честны, скромны, учтивы, любезны, остроумны, что только во Франции, да и во Франции в одном Париже, можно увидеть подобную вещь. Я жил потом с работниками более недели, в казарме на улице Турнон, в двух шагах от Люксембургского дворца; казармы сии были прежде казармами муниципальной гвардии; в то же время обратились, со многими другими, в червленно-республиканскую крепость, в казармы для коссидиеровской гвардии.

Государь, — продолжает Бакунин, — я не в состоянии отдать вам ясного отчета в месяце, проведенном мною в Париже, потому что это был месяц духовного пьянства. Не я один, все были пьяны: одни от безумного страха, другие — от безумного восторга, от безумных надежд. Я вставал в пять, в четыре часа поутру, и ложился в два; был целый день на ногах, участвовал во всех собраниях, сходбищах, процессиях прогулках; одним словом втягивал в себя всеми чувствами, всеми порами упоительную революционную атмосферу».

В статье, напечатанной в «Реформе», Бакунин выражал уверенность, что «быть может меньше, чем через год, чудовищная австрийская империя рушится, освобожденные итальянцы провозгласят итальянскую республику, немцы, сплоченные в единую великую нацию, провозгласят германскую, а польские республиканцы, пребывающие в эмиграции в течение 17-ти лет, возвратятся к своим очагам. Революционное движение прекратится только тогда, когда вся Европа, не исключая и России, превратится в федеративную демократическую республику. Скажут: это — невозможно. Но осторожнее. Это слово не сегодняшнее, а вчерашнее. В настоящее время невозможны только монархия, аристократия, неравенство, рабство».

В Париже ходили слухи, что в Познани образовалось уже революционное польское правительство, и Бакунин решил ехать туда бороться за свободу поляков, а значит и русских. Денег, как всегда, не было, и он обратился к четырем знакомым членам «провизорного» правительства, с просьбой дать ему на поездку 2,000 франков, «не даровою помощью, на которую не имею ни желания, ни права, но в виде займа, обещая возвратить эту сумму, когда будет только возможно».

Член временного правительства Флокон выдал Бакунину просимую сумму, другой министр Коссидьер дал ему два паспорта: — один на его собственное, другой, на всякий случай, на чужое имя. Весь «словно в лихорадке», как писал он Анненкову, — «как угорелый», как говорит он в «Исповеди», — переехал Бакунин французскую границу.

Р. Словцов.

А-М.

В. ТЭККЕР

О жизни Тэккера мы имеем весьма скудные сведения. Он родился в 1804 году в Саут Дартмуте, в Массачузетсе — одном из просвещеннейших штатов Северной Америки. В Бостоне он получил техническое образование. Двадцати лет он путешествовал по Англии, Франции и Италии. В 1877 году он временно редактировал журнал «Word» и с тех пор посвящает себя литературе. С 1892 года он живет в Нью-Иорке, издавая еженедельный журнал «Либерти».

Казалось бы, что в основе всех прогрессивных учений непременно должен быть заложен альтруизм, стремление к общему благу, потому что эгоистическое основание по самой природе эгоизма не может способствовать прогрессивному развитию общества, так как имеет целью благо одного. Зачем тратить силы на переустройство всего общества, если основной целью является благополучие одного человека.

Но вопреки логическим разсуждениям, мы замечаем, что люди, проповедующие учения несомненно прогрессивного характера, стараются обосновать их на стремлении человека к собственному благу. Таковы были русские утилитарианцы шестидесятых годов — эти аскеты материализма. Нечто подобное можно подметить и в учении Тэккера.

Анархисты, по мнению Тэккера, исповедуют не только утилитаризм, но и эгоизм, в полном значении этого слова... Анархисты совершенно не признают идей нравственной обязательности, естественных прав и обязанностей. Сила есть единственное мерило права. Всякое отдельное лицо, по мнению Тэккера, и всякая группа людей и целые общества, поскольку они обладают необходимой для этого силой. Общество имеет право принуждать личность, и личность имеет право принуждать общество, поскольку одна из сторон обладает достаточной силой для этого».

Но ведь если общество имеет право принуждать личность, то, значит, оправданы все насилия, производимые государством над личностью, — оправдано существование государства. Если же признать, что личность имеет право принуждать общество, то этим оправдываются все тирании, все Камбизы, все Нероны, Иваны Грозные и т. п.

Но, как оказывается, Тэккер приходит к совершенно иным выводам. По его мнению, из признания личной выгоды каждого высшим законом логически вытекает требование равной свободы для всех. Закон же равной свободы для всех ограничивает произвол личности.

По мнению Тэккера, «всякий имеет право сопротивляться чужому вмешательству, нарушающему его свободу, и прибегать при этом к насилию. Сущность же сопротивления не изменяется от того, сопротивляется ли одно лицо другому (например, когда человек защищает от нападающего на него разбойника), или одна личность сопротивляется всему обществу (например, когда человек отказывается повиноваться тираническому закону), или, наконец, все общество сопротивляется одному лицу (например, когда народ возстает против деспотического правителя»).

Из правовых отношений между членами общества, Тэккер признает необходимыми только три: право на неприкосновенность личности, право собственности на продукты своего труда и право, требующее исполнения заключенных договоров.

Что касается неприкосновенности личности, то, хотя по мнению Тэккера, усилия общества должны быть направлены, главным образом, к тому, чтобы устранить причины, вызывающие преступления против личности, однако он считает, что применение к преступникам самых строгих мер — до смерти включительно, — не противоречит основам анархизма.

Право на труд в анархическом обще-

стве должно выражаться в том, чтобы каждый член общества мог безпрепятственно пользоваться, как продуктами своего труда, так и теми продуктами чужого труда, которые он приобрел без обмана или насилия, так точно и теми предметами, существующими в ограниченном количестве, которые находятся в его фактическом владении и пользовании.

Что касается права, требующего исполнения договоров, то для его существования необходимо, чтобы договор был заключен сознательно, добровольно и, в то же время, не противоречил бы человеческому достоинству лица, вступающего в договор. Так, например, договор, в силу которого члены какого-нибудь союза отказываются от права выступать из него, не может считаться действиельным, так как это было бы лишение свободы, т. е. величайшее оскорбление человеческого достоинства.

Само собою разумеется, что и в государстве Тэккер не может не видеть как оскорбления человеческого достоинства, так и нарушения принципа равной свободы для всех. Необходимым условием существования государства является право насильственного взимания податей... «Как может быть совместимо с законом равной свободы для всех, замечает Тэккер, чтобы у меня отнимали продукт моего труда под видом уплаты за защиту, которой я не требовал и не желал?». А на самом-то деле государство берет плату не за защиту плательщика, а за нарушение его же свободы. На обыкновенном человеческом языке это называется не защитой, а издевательством.

Говорят, что государство необходимо, чтобы защищать мирных граждан от преступников и оказывать помощь во время общественных бедствий. «Но государство само есть величайший преступник, замечает Тэккер, оно создает преступников гораздо скорее, чем карает их... Мы издаем тысячи законов, создающих преступления, и затем придумываем несколько законов, чтобы за эти преступления наказывать».

Что же касается до той помощи, которую дает государство в годины бедствий, то она обходится народу слишком дорого. Лучше было бы не иметь никакой помощи и справляться с бедствиями собственными силами, лишь бы не попадать в рабство к государству.

Отрицая государство, анархизм не отрицает общества, признавая в общественной жизни лучшее достояние людей. Но связующим началом общества должны быть не власть, а сила договора, которая не может связывать человека пожизненно, а тем более, передавать эту связь по наследству.

Таким образом общество будущего представляется Тэккеру в виде добровольных союзов, основанных на договорах участников этих союзов.

Когда говорят о возможности лучшего устройства общества, то возникает целый ряд вопросов о том, как будут установлены различные стороны человеческого общежития в обществе будущего.

Что необходимо устроиться лучше, это всякий знает, а вот как устроиться лучше, это является весьма серьезным вопросом, на который не всякий сумеет ответить.

Тэккер изображает нам некоторые условия жизни того идеального общества, которое представляется его воображению.

Вступая в союз, каждый член принимает на себя некоторые обязанности. Союз может потребовать от него исполнения известных должностей, при чем имеет право принудить его исполнить эти требования, как всякая группа лиц, связанная договором. И, по мнению Тэккера, «весьма вероятно, что исполнение договоров наиболее обезпечено тогда, когда обещавший знает заранее, что его не будут насильно принуждать исполнять обещанное».

Весьма важным обязательством, принимаемым на себя членами союзов, является уплата налогов. Уплата, конечно, добровальная, как следствие добровольно заключенного договора. Эта добровольность уплаты налогов, по мнению Тэккера,

будет удерживать союз от всякого незаконного вмешательства в деятельность его членов, так как всякое такое вмешательство непременно повело бы к уменьшению платежа добровольных налогов.

Среди разнообразных добровольных союзов в обществе будущего, по мнению Тэккера, будут иметь наибольшее значение страховые общества, банки для пользования взаимным кредитом и в особенности общества защиты личной безопасности.

Та роль защиты личности, которую якобы исполняет государство, будет передана обществам защиты. А так как таких обществ будет несколько, то естественно, между ними явится соревнование, и стоимость защиты понизится до самых крайних пределов. Боязнь лишиться заработка заставляла бы эти общества исполнять свои обязанности как можно лучше.

Может, конечно, быть такой случай, что какая-либо ссора произойдет между людьми, принадлежащими к различным обществам защиты. Что будет тогда? Тэккер предусматривает этот случай и предполагает, что в виду возможности таких столкновений общества защиты будут заключать друг с другом особые договоры и устраивать верховные союзные суды.

Общества защиты будут не только защищать, но и предупреждать всякое насильственное действие, направленное против своих нанимателей. В случае надобности, говорит Тэккер, анархисты не задумаются прибегнуть к аресту, тюремному заключению и даже смертной казни, которая якобы будет не убийством, а законной защитой. «Допустима даже пытка, — замечает Тэккер, но, конечно, вряд-ли будут прибегать к ней прежде, чем окажется, что смертная казнь и тюремное заключение недействительны».

Излагая различные анархические учения, мы, по возможности, стараемся относиться к ним беспристрастно, не вдаваясь в излишние споры, но рассматривая сочинения Тэккера, мы не можем не выразить своего удивления перед той путаницей, которая, очевидно, царит в мыслях этого человека». С одной стороны, он отрицает «нравственную обязательность естественных прав и обязанностей» и считает, что человек имеет право убивать кого ему вздумается, если только он достаточно силен для этого; с другой же стороны, разсуждает о каких-то союзах, основанных на договорах. Но какие же могут быть договоры, если при первом же удобном случае, один из договорившихся может убить другого, если это ему выгодно? Говоря об обществах защиты личной безопасности, он не обращает внимания на то, что такое общество только тогда может иметь значение, если оно обладает большими силами. Но если оно очень сильно, то зачем оно будет исполнять роль наемного полицейского, а не превратится в разбойничью организацию, которая будет порабощать всех, кого сможет? Если ее жертвы захотят просить защиты у других обществ, то ведь с обществами можно вступить в соглашение и образовать целый разбойничий союз, которому уже никто не будет в состоянии сопротивляться. Таким образом общество Тэккера начнет повторять всемирную историю сначала.

У Тэккера несомненно попадаются ценные замечания, но наряду с ними приходится встречать такую бедность мышления, что остается лишь удивляться тому «стечению обстоятельств», которое, по его же словам, сделало его «более или менее известным представителем учений современного анархизма».

Что касается вопроса о собственности, то Тэккер осуждает лишь современную форму ее распределения, которая является результатом допускаемого государством ростовщичества. Слово ростовщичество Тэккер понимает очень широко и подразделяет это понятие на три разряда: 1) взимание процентов, 2) взимание наемной и арендной платы и 3) получение прибыли при обмене. Одним словом, он считает ростовщичеством всякое получение средств без труда, вследствие занимаемого исключительно выгодного положения. Это выгодное положение одних в ущерб другим

создается государством. Государство сосредоточивает в своих руках, или в руках своих доверенных, право выделывания денег и этим дает им возможность ставить цены товарам такие, какие им выгоднее.

Государство защищает право на владение землей тех лиц, которые сами ее не обрабатывают, а пользуются ей для того, чтобы держать в порабощении земледельцев. Государство, учреждая таможенные пошлины, повышает цены товаров в ущерб покупателям. Наконец, государство, устанавливает патенты на изобретения и права литературной собственности и т. п. привилегии, создает монополистов — ростовщиков в области умственной из ученых, изобретателей, писателей, получающих за свой труд несоразмерно большое вознаграждение.

Все эти преграды, построенные государством, должны быть уничтожены. Прежде всего должна быть уничтожена денежная монополия. Всякий должен иметь право приготовлять и пускать в обращение деньги, т. е. как монету, так и всякие другие знаки для обмена.

Точно также необходимо уничтожение частной земельной собственности. Земля должна быть в распоряжении того, кто ее обрабатывает личным трудом. Тогда не будет разделения людей на земледельцев, арендаторов и рабочих, но каждый, пользуясь самым дешевым кредитом союзного банка, будет обрабатывать находящуюся в его распоряжении общую землю.

«С уничтожением политической тирании, — замечает Тэккер, — должны сами собой исчезнуть экономические привилегии». Нельзя, конечно, ожидать, что всякого рода труд будет вознаграждаться одинаково. Некоторое неравенство вознаграждения будет всегда существовать, вследствие целого ряда случайных причин и различия в способностях людей. Но и это неравенство будет все более и более сглаживаться, благодаря отсутствию тех условий, которые в настоящее время искусственно усиливают неравенство.

Для того, чтобы настоящий общественный строй заменился анархическим, по мнению Тэккера, необходимо, чтобы личности, проникшиеся анархическим учением, убедили достаточное число людей, что их собственные интересы требуют реформы общества, и чтобы люди эти, сообща отказываясь повиноваться властям, уничтожили бы таким образом государство и изменили существующий в настоящее время общественный строй и форму собственности. Проповедь революции должна вестись посредством слова и печати. Только там, где нет свободы слова и печати, можно прибегать и к насилию, однако лишь в самом крайнем случае. «В России, — замечает Тэккер, — террористические действия целесообразны, тогда как в Германии и Англии они нецелесообразны.. Время вооруженных восстаний миновало, они слишком легко подавляются».

Хорошими средствами, по мнению Тэккера, для пропаганды анархических учений, могут служить единственные отказы от уплаты налогов и опыты устройства анархических сообществ в небольших размерах.

Когда достаточное число людей сделаются убежденными анархистами, то настанет час для переворота, который уничтожит государство и преобразует общественные отношения. По мнению Тэккера, социальная революция должна вылиться в форму пассивного сопротивления, т. е. отказа в повиновении властям. «Пассивное сопротивление, говорит он, есть самое могущественное оружие, когда-либо пускавшееся в ход человеком против угнетения. Это единственное сопротивление, которое имеет успех при нынешнем господстве военщины. В настоящее время во всем культурном мире нет такого тирана, который не предпочел бы безпощадно подавить кровавую революцию, чем увидеть, что значительная часть его подданных решилась не повиноваться ему. Восстание может быть легко подавлено, но никакое войско не может и не пожелает направить свои ружья протитв мирных людей, которые да-

А. С.

Анархическая коммуна

Наш идеал — мировая коммуна. Все человечество должно в конце концов об'єдиниться в одну хозяйственную единицу, вся земля должна стать единым хозяйством. Поэтому мы должны стремиться не к мелким коммунам, которые будут, конечно, существовать еще, быть ожет, очень долго, но к коммунам большого размера, о которых говорил Кропоткин. Всего проще представить себе такую коммуну состоящей из города и прилегающего округа, вроде русского уезда.

Попытки устройства мелких коммун всегда кончались неудачей и причина всех этих неудач кроется в том, чисто психологическом факте, что мелкая коммуна слишком с'уживает горизонт человека и получается противоречие: анархист должен обладать широким кругозором и потому мелкая коммуна, просто, стесняет его, а тот, кто, обладая узким кругозором, мог бы жить в пределах мелкой коммуны, только благодаря мелкому и узкому кругозору не будет анархистом.

Коммуна анархическая — коммуна крупная и этого не понимают те, которые упрекают нас в возврате к первобытному коммунизму. Русская община, община индусская могут служить примерами первобытного коммунизма. Там человек рождается, растет и умирает в одной и той же обстановке, среди одних и тех же людей.

Интересы, взгляды, воззрения, привычки всех членов первобытной общины одни и те же; каждый человек похож на другого и никто никому не мешает, никто никого не стесняет. Но в общине анархической, вообще говоря, могут встретиться люди совершенно различные, обладающие сравнительно высоким интеллектуальным развитием и потому очень отличные друг от друга.

Такие люди, чтобы жить мирно и хорошо, должны жить, если можно так выразиться, на некотором разстоянии друг от друга и известно что в тех случаях, когда несколько интеллигентных людей обстоятельства заставляли жить в течение некоторого времени близко друг от друга, то между ними возникала вражда, достигавшая до ненависти. Так, только условиями жизни на постах в Сибири, где нескольким людям приходилось проводить месяцы никого не видя, кроме самих себя, об'ясняется возникновение такой игры, как знаменитая «Кукушка». Современный интеллигентный человек, существо сложное и ему нужен простор, ему просто будет слишком скучно, она начнет нервничать и, в конце концов, коммуна рассыпется от того, что все перессорятся, как это и бывало не раз на самом деле. Коммуна должна быть большой, чтобы в ней могли участвовать люди совершенно друг другу лично незнакомые, чтобы каждый мог, когда захочет, уйти в самого себя, остаться среди незнакомых ему людей, к которым, как к таковым, он не чувствовал бы никакого интереса, и сам не возбуждал бы его в них, ибо знакомство, интерес, каков бы он ни был, всегда возбуждают нервы, а выносить постоянное нервное напряжение слишком тяжело в наше и без того нервное время.

Человека более примитивного гарантирует от этого просто его меньшая впечатлительность, меньшая подвижность его психики. Но и экономически, меньшая

же не толпятся на улицах, а сидят по домам и настаивают на своих правах».

Как только люди, хотя и меньшинство, но настолько значительное, что его нельзя засадить в тюрьму, — как только люди отказались бы повиноваться правительству, отказались бы от уплаты налогов, арендной и квартирной платы, и стали бы сами устраивать свои дела, — существованию правительства и государства со всеми их войсками, судами, полицией и тюрьмами наступил бы конец.

коммуна менее выгодна, чем крупная, если даже не брать во внимание вопроса о характере производства, но просто с точки зрения возможности лучшего, более производительного использования имеющихся в распоряжении коммуны сил.

Такая коммуна найдет скорее возможность дать человеку подходящее занятие, но, конечно, размер коммуны может и должен возрастать, пока она, об'единяясь с другими, не составит, наконец, каплю в океане общественного об'единения.

В целом ряде трудов, Кропоткин дал примеры возможного устройства подобной коммуны и с цифрами в руках доказал полную экономическую ее осуществимость и невероятную, прямо таки баснословную ее выгодность. При этом надо строго различать коммуну анархическую от той карикатуры на нее, какую пытались, например, провести и продолжают проводить государственники - коммунисты в России. Коммуна государственная является органом государстбенной власти, системой круговой поруки, обезпечивающей государству налоги и подати и облегчающей ему управление. Такая коммуна есть особая форма закрепощения и, нужно отдать справедливость большевикам, что большей ненависти к «коммунизму», чем тот, который они успели внушить крестьянину, благодаря своей «коммуне», трудно себе представить.

Коммуна анархическая ничего общего с подобной «коммуной» не имеет. Коммуна анархическая есть, прежде всего, свободное об'единение, ничего общего не имеющая ни с какой властью, ни с каким принуждением. Но кроме того, существенным отличием последней от любого об'единения экономического характера, которое проводят социалисты - гсударственники, является то, что анархисты идут к производству от человека, а государственники — к человеку от производства. Государственники поступают так: учитывается состояние современной техники, а затем создается план техники, а затем создается план наиболее продуктивного строения промышленной системы, а затем общественность строится по плану, продиктованному в конечном счете техникой.

Что же касается индивидуума, то последний стоит в самом конце и должен быть приспособлен ко всем требованиям, какие пред'явит к нему такое построение. Таким образом мы получаем следующий ряд: техника, к ней приспособляется производство, к этим двум приспособляется общественность и, наконец, ко всем трем приспособляется сам человек. Человек в этой схеме играет роль колеса, рычага или винта, он перестает быть человеком, становится придатком ко всей машине, и потому в этом построении не трудно узнать доведенный до крайних пределов буржуазно-капиталистический способ производства со всеми его особенностями, его психологией, его варварством и безобразным отношением к человеческой личности.

Совершенно иной путь у анархиста. Анархист исходит из индивидуума, затем, в зависимости от потребностей, свойств, желаний, стремлений у индивидуума строится та форма общественонсти, которая наилучшим бы способом удовлетворяла требованиям, исходящим от индивидуума. Затем, в зависимости от двух первых строится план производственной схемы, а затем уже выбираются те технические средства, которые дают возможность окончательного выполнения предначертаний первых трех областей.

Таким образом анархисты во главу угла ставят то, что и должно быть поставлено, — человека, а государственники — машину. Пэтому в последнем случае человек приносится в жертвv томv же богу, которому покланялась и буржуазия — капиталу. Перед лицем гигантского идола — капитала, совершаются человеческие жертвоприношения, и угодить этому богу стараются два служителя — буржуа и социалист - государственник.

Только идя единственно правильным путем, тем, которым идем мы анархисты, можно добиться того, что не человек бу-

дет служить машине, но машина будет работать на человека. Нетрудно показать пример, где только просто упрямство социалистов - государственников, не дает им силы сознаться в их заблуждении и согласиться с нами.

Пусть мы имеем фабрику, производящую какие либо продукты. На этой фабрике работает сто человек. Фабрика оборудована станками, работающими от какого либо..... Здесь могут быть разные случаи, но мы возьмем тот из них, когда на каждом станке работает только один рабочий. Пусть далее производство таково, что сырой материал, поступая к рабочему, и проходя через станок, выходит уже совершенно готовым продуктом, фабрикатом или полуафбрикатом, после чего на данной фабрике проработке не подлежит. Работа одного рабочего не зависит в данном случае от работы его соседа и с этой точки зрения безразлично будет ли расстояние между станками в три метра или в тридцать километров. Но раз так, то те же станки и те же рабочие могут с тем же успехом работать у себя на дому. То ничтожное преимущество, которое получается благодаря скучению в одном месте многих работающих, не может перевесить отрицательных сторон фабричного способа производства в силу целого ряда гигиенических, бытовых, психологических, социальных и других особенностей, связанных с человеческим существом, если на него не смотреть как на машину.

В данном случае не может быть и речи о преимуществах крупой промышленности перед мелкой, ибо здесь и нет даже самого факта такого противопоставления, так как производство остается таким же как и раньше с технической стороны, но распределяется иначе и гораздо выгоднее, чем раньше с точки зрения человеческой.

Что же касается закупки сырья и сбыта продуктов, то мы имеем слишком много примеров в высшей мере успешной работы подобного типа со стороны артелей, кооперативов и т. п., что тут никаких трудностей не встречается.

Конечно, есть отрасли производства, где сама техника требует централизации, но и в таких случаях даже капиталистическое общество выходит из затруднения, оставляя техническую централизованность и пользуясь финансовой централизацией путем акционерных предприятий.

Во всяком случае, производств последнего типа сравнительно не так уж много, чтобы можно было позволить себе говорить обо всем производстве, как о чем то по существу имеющем тенденцию к концентрации. Таким образом, мы видим, что единственно правильный путь к разрешению вопроса о желательных социально - экономических формах общества есть путь анархический.

Мы видели также, к какому типу коммуны стоит стремиться и таким типом снова оказывается тип коммуны анархической, но не тип предлагаемый государственникам или приписываемый нам людьми ничего не понимавшими в анархизме — тип патриархальной коммуны. Коммунизм должен быть не государственным и не патриархальным, но только и только анархическим.

При современном развитии техники, анархическая коммуна всегда сумеет так распределить работу, что она перестанет быть проклятием для человека, но превратится в сознательное творчество, которому человек будет отдавать столько времени, что у него останется столько времени создать себе разнообразную и красивую жизнь.

В анархическом обществе не будет рабочих и паразитов, но будут только люди. Поэтому наша тактика должна включать в себя такую деятельность, которая будила бы в каждом человеке его человеческое достоинство, стремление стать полным и многогранным, а не быть жалким рабом, пресмыкающимся перед капиталистом и защищающей его сворой огороженных псов, именуемых государством и его органами.

Поэтому социалист - государственник, одной рукой как будто освобождает, другой

же закабаляет человека государству. Поэтому синдикалист, в его пропаганде экономического государства, не доводит освобождение до конца, ибо оставляет рабочего рабочим и не зовет его стать человеком.

Только анархист обращается к человеку, ибо видит прежде всего человека в рабочем, в крестьянине, в каждом и его борьба — борьба за человека, его общественность — общественность человеческая, а не рабочая, не крестьянская, не буржуазная.

Поэтому анархист не может никогда примириться с диктатурой, в которой он видит только наглый обман политиканов и вместе с Бакуниным он спрашивает о том, над кем же может быть диктатором рабочий, не говоря уже о полной безсмыслице такого понятия, как диктатура целого класса.

Никакая власть, никакая диктатура не может привести нас к анархическому коммунизму, и только сознательное возстание против эксплоатации, возстание, уничтожающее самую идею власти человека над человеком, только Социальная Революция, Последняя Революция, Революция Анархическая может привести нас к новой свободной и счастливой жизни.

А. С.

СТАЛИН И ТРОЦКИЙ

Между «героями Октября» — Сталиным и Троцким давно пробежала черная кошка. Их «пламенно - революционная» дружба расстроилась. Дошло даже до того что Сталин изгнал Троцкого из СССР. Когда Троцкого выпихивали, он грозил «хлопнуть дверью на всю Европу», но товарищ Сталин его так турнул, что Троцкий не успел даже оглянуться. Такое обращение с высоким сановником, с «создателем Октября», конечно, не понравилось товарищу Троцкому и он возгорел местью к товарищу Сталину.

Происки Троцкого заграницей против Сталина вывели последнего из границ всякого терпения. Темпераментный Сталин еще более озлобился на мстительного Троцкого, насыпавшего соли на хвост диктатора.

Чтобы расправиться с Троцким и его последователями троцкистами, был создан в Москве троцкистско - зиновьевский процесс, который окончательно разоблачил Троцкого и его друзей. Привлеченные к суду троцкисты — Зиновьев, Каменев и 14 других старых большевиков показали, что Троцкий является злейшим врагом Сталина и его сотрудников, что он благословил убийство Кирова и организовал заговор на жизнь Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе и других «вождей» компартии и что он готов был спровоцировать даже войну и отдать соседям некоторые территории СССР, чтобы только отомстить Сталину, избавиться от него и самому захватить власть, ради чего он вошел в связи с германским фашизмом и Гестапо.

Эти замыслы Троцкого разоблачили его друзья и соратники, попавшие под суд, — Зиновьев, Каменев и остальные 14 троцкистов, работавших в СССР. За все эти преступления обвиняемые были приговорены к расстрелу и казнены. Троцкий, находящийся в Норвегии, возмутился столь решительными, крутыми, жестокими, кровавыми мерами. Он, категорически отрицал заговор против Сталина, потребовал международного суда над Сталиным и хвастливо заявил, что он, Троцкий, «превратит обвинителей в обвиняемых». Над этим заявлением сталинцы только посмеялись и потребовали от правительства Норвегии выдачи им Троцкого, как уголовного преступника.

Норвегия отказалась выдать Троцкого, считая его политическим эмигрантом. Ежели бы требование Москвы было удовлетворено, то Сталин вдоволь потешился бы над Троцким и, надо полагать, отправил бы «фашисткую собаку» к праотцам— в лоно Авраамово, Исаака и Иакова, куда отправлены были Зиновьев и Каменев.

За отказ в выдаче Москве Троцкого «Известия» обрушились на вожаков нор-

вежской партии, называя их «презренными защитниками троцкистско - зиновьевской шайки, которым нужно сохранить Троцкого, чтобы организовать шпионаж, саботаж и убийства в СССР». «Вместо того, — пишут «Известия» от 29 августа, — чтобы выполнить свой долг перед международным пролетариатом и воспретить фашистской бешеной собаке Троцкому организацию заговоров против советского союза,— вожди норвежской партии потворствуют распространению им лжи, чтобы замести следы Троцкого и его помощников в Норвегии». «Правда» же называет норвежскую рабочую партию врагом пролетариата и союзником Гестапо, утверждая, что притворный обыск, устроенный норвежскими наци у Троцкого, был сделан с разрешения властей, чтобы подорвать обвинения о связи Троцкого с германскими Гестапо.

На суде по делу 6 норвежских наци Троцкий признался, что он ведет широкую политическую переписку со своими последователями во всех странах Европы и Америки. К нему приезжало в Норвегию много заграничных гостей, что обращало внимание полиции, но наиболее частые совещания имел Троцкий с Карлом и Вайолой Айзекс из Нью Иорка, ведших обширную корреспонденцию, т. к. 3 секретаря Троцкого сами не в состоянии были справиться с работой.

После расстрела Зиновьева, Каменева и других 14 старых большевиков Троцкий поклялся отомстить Сталину и его группировке. Он между прочим заявил следующее: **«Сталин отнял у русского народа все завоевания революции и отдал их правящей привилегированной касте; нужна новая революция для восстановления свободы рабочего класса. Сталин боится народа, несчастья которого все увеличиваются, поэтому он в течение ряда лет старался утопить оппозицию в крови».**

Троцкий наконец-то открыл Америку! Как будто сам Троцкий лучше Сталина. Разве не сам Троцкий «отнял у русского народа все завоевания революции и отдал их правящей привилегированной касте», в которую он и сам входил? Троцкий вспомнил о завоеваниях революции, когда созданная им самим каста стукнула его по башке. Но и эти крики его — лицемерны: он кричит только потому, что его собратья по партии стукнули Троцкого, который с таким же наслаждением стукал других и продолжал бы стукать, если бы он опять очутился на их месте.

Говоря о своих недавних друзьях-товарищах, Троцкий повествует: «Широкая реклама дана была в газетах всего мира приготовлениям, делаемым для введения новой конституции в советском союзе, вожди которого заявили, что эта конституция будет «самая демократическая из конституций всего мира» и что впредь выборы будут всеобщие, прямые, равные и тайные. К этим конституционным реформам готовится единственная партия, существующая в СССР, с помощью неслыханных и беспрерывных актов репрессий, направленных не против врагов СССР, а против тех элементов, которые, оставаясь абсолютно лойяльными режиму, находятся в оппозиции к верхушке, которую немыслимо ни свергнуть, ни даже контролировать».

«С полной уверенностью можно сказать, что 9/10 репрессий направлены не для защиты советского союза, а для укрепления власти автократического правительства и привилегий бюрократической группы внутри правящей партии».

Признания Троцкого вполне верны, но эти признания запоздали на 20 лет. Анархисты бросали эти упреки не только Сталину, но и гг. Ленину и Троцкому, когда они отнимали у русского народа все завоевания революции, находясь на верхушке. Тогда Ленин, Троцкий и Ко. назвали все гражданские свободы «буржуазными предрассудками» и, превратившись в самых мерзких и оголтелых контр - революционеров, в самых презренных палачей, затопили Русскую Революцию в народной крови. Теперь же господин Троцкий, палач Кронштадта, плачется крокодиловыми слезами. Он повторяет то, что давно говорили свободолюбивые анархисты, что всем извест-

ее, кроме Троцкого, наивно думающего, что он открывает миру истины, никому еще не известные.

Далее Троцкий рассказывает, что Сталин ссылает своих врагов и заключает их в политизоляторы и концлагери, что политзаключенные вынуждены прибегать к многочисленным голодовкам, ставшим обычным явлением, что узники и ссыльные гибнут, как мухи, что за последние 9 месяцев из компартии было исключено 500,000 коммунистов, что оппозиционерам не дают никакой работы и что иностранных оппозиционеров - коммунистов просто об'являют шпионами и ссылают на Соловки. Все это не ново. Всем давно известны злодеяния не только Сталина, но и самого Троцкого, Ленина и Ко. Признания Троцкого слишком запоздали, — на целых 20 лет. Они подтверждают лишь то, насколько лжив г. Троцкий: когда он находился на верхушке и сам проделывал все безобразия, злодеяния, подлости и убийства, тогда он не видел их и кричал, что СССР — земной рай для трудящихся, а теперь, когда администратор рая — Сталин шлепнул Троцкого по загривку, он проливает крокодиловы слезы, заявляя: «Я вполне учитываю крайнюю серьезность моих обвинений и принимаю неограниченную политическую и моральную ответственность за них». Напускная серьезность Троцкого излишняя: палач Русской Революции развенчан.

Касаясь своего врага Сталин, Троцкий говорит, ссылаясь на Ленина и Крупскую, что еще в 1921 г. Ленин был против назначения Сталина генсеком партии и в завещании советовал устранить его с этой должности по причине его грубости и бестактности и потому, что Сталин — ординарная личность. Он утверждает, что Сталин — садист, о чем говорил ему сам Сталин, который передавал ему в одной из ночных бесед с ним, что высшее удовольствие он получает, когда, тщательно подготовив расправу с намеченной жертвой, он убивает ее и, удовлетворенный, ложится в постель, чтобы затем сладко заснуть. Троцкий считает Сталина жестокой и невежественной посредственностью и говорит, что такой же посредственностью является и все окружение диктатора, состоящее из выскочек, правящих ныне Россией.

Троцкий, как видно, слишком высокого о себе мнения. Он считает себя лучше и умнее Сталина, который его вышиб из седла. Он заявляет, что вынужден опубликовать вышеприведенное потому, что вдова Ленина — Крупская безнадежно опустилась. Вдова Ленина выступила в «Правде» с оправданием казни 16-ти старых большевиков. Она, между прочим, сказала следующее: «Шайка убийц во главе с Троцким, Зиновьевым и Каменевым действовала в контакте с германскими фашистами. Вот почему вся страна так единодушно потребовала, чтобы бешеные собаки были расстреляны. Они хотели убить душу и мозг революции — т. Сталина. Поэтому презренная банда должна была быть расстреляна». Стало быть, и Крупская одобрила расстрелы.

Сталинские газеты пылают гневом и яростью по адресу Троцкого и его последователей. Они называют их — гадами, убийцами, предателями, шпионами, негодяями, выродками, бандитами, отбросами общества, врагами народа, бешеными собаками и проч. Они собрали почти все унизительные и оскорбительные слова и применили их к Троцкому и его соратникам. Все это вызвала борьба между Сталиным и Троцким.

Марк Степной.

На помощь испанским борцам

Товарищи, братья рабочие! Все угнетенные капитализмом и государством!

Из Испании несутся крики о помощи избиваемых, пытаемых, расстреливаемых и живьем сжигаемых фашистами наших братьев рабочих и крестьян. Дворяне - помещики, капиталисты, попы и генералы восстали против народа, чтобы отнять у него те жалкие уступки, к которым принудила старорежимников апрельская революция 1931 года, уничтожившая монархию.

Эта революция повторила трагическую ошибку немецкой революции, ошибку немецких социал - демократов.

Вместо того, чтобы отнять у помещиков и попов землю и передать ее голодному беземельному крестьянству, она сурово охраняла «законных» владельцев и их право на грабеж крестьян; вместо того, чтобы удалить из армии всех старорежимных генералов, она оставила их у себя на службе с чинами и привилегиями; вместо того, чтобы экспроприировать капиталистическую буржуазию, она огнем и мечем защищала ее «законное право» на ежедневную эксплоатацию рабочих; вместо того, чтобы отнять у церкви деньги, землю, фабрики, заводы (испанское поповство является крупным банкиром, помещиком и фабрикантом) и лишить ее права заниматься грешными земными делами, она оставила в неприкосновенности отупевшее, ожиревшее и потонувшее в отчаянном разврате «Иисусово воинство — поповщину». Теперь народ расплачивается за эту ошибку жизнями и кровью лучших своих сыновей и дочерей!

Теперь вся эта «доблестная» рать, учившая в школах, в университетах, с церковных амвонов законопослушанию и подчинению властям предержащим, потому что всякая власть от бога, потерпев поражение на последних выборах в парламент, сама восстала против ею же писанного закона, законнопришедшего к власти правительства, против своей страны, против своего народа. Эти патриоты, увидев, что правительство не сможет охранить их богатство и их привилегии от справедливого народного гнева, не постыдились пустить на свой народ наемных бандитов из иностранного легиона, африканских полудиких арабов и купить помощь, ценою испанской территории, у немецкого и итальянского фашизма.

Бунт генералов, помещиков, попов и капиталистов встретил отчаяное сопротивление со стороны обезоруженного испанского пролетариата и крестьянства. Они отбили первый натиск фашизма, расстроили его планы и разбросали его силы по многим друг с другом несвязанным фронтам. Вместо молниеносного удара получилась затяжная гражданская война. Вместо борьбы с правительством фашизм неожиданно для самого себя вступил в борьбу со всем трудовым народом, поспешно вооружающимся и мобилизующим свои силы в своих профсоюзах.

Крестьянство и рабочий класс Испании, чтобы исправить ошибку революции 1931 года, решили раз и навсегда покончить с социальной исторической гнилью веками отравлявшей, трудящиеся массы. Генералы подняли бунт, рабочие в ответ — знамя Социальной Революции. И сейчас в Испании идет борьба не за демократию, как утверждают буржуазные либералы и реформаторы социалисты, а за полную свободу, за экономическое равенство, за Свободный Коммунизм!

Народные массы Каталонии с самым большим городом Испании Барселоной, народные массы части Арагона и большей части Валенсии, во главе с анархо-синдикалистской Национальной Конфедерацией Труда и с Анархической Федерацией Иберии, изгнав фашистов, искореняют всякую возможность для возрождения поповско-помещичье - капиталистического класса или нарождения по русскому образцу нового бюрократического класса.

Рабочие союзы перешли в свои руки

весь транспорт: железные дороги трамваи, автобусы; Национальная Конфедерация Труда организована Комиссия Контроля из техников, химиков, механиков и пр. для реорганизации всего производства, перешедшего в руки синдикатов; организован Совет Народного Хозяйства, который должен подготовить социализацию всей промышленности в целом; социализированы кинематографы и театры; уничтожена армия и взамен ее организовано всеобщее вооружение народа в форме добровольной милиции, которая находится в ведении рабочих и крестьян, а не правительства; охрана порядка и спокойствия вручена рабочей милиции, составленной из разных антифашистских организаций.

Дело дошло до того, что даже полиция организует Советы Рабочих и Солдатских Депутатов. Сокращена рабочая неделя, сокращен рабочий день, увеличено жалованье; проводится равная плата для всех с пропорциональной добавкой на детей и нетрудоспособных членов семьи; повсюду организуются фабрично - заводские комитеты. В деревнях организованы Местные Комитеты и в их распоряжение перешли все крупные имения с инвентарем, которые об'явлены общественной собственностью; организованы сельские комитеты милиции. Увлеченные социальной революцией рабочие социалистического Всеобщего Рабочего Союза пошли на соглашение с Национальной Конфедерацией Труда и организовали, в целях об'единения действий, Комитет Связи. Этот единый фронт рабочих профессиональных союзов (но не политических партий!) быстро покончит с капиталистической системой и государством.

В Мадриде, городе бюрократов и государственного социализма, дело обстоит несколько иначе. Там вместо рабочих союзов, само правительство, чтобы избежать полного захвата рабочими союзами, вынуждено огосударствить часть промышленности. Но и здесь, по мере развития победы пролетариата над фашизмом, социальная революция примет каталонский характер, и она уже принимает этот характер.

Из этого становится понятным, почему вся мировая буржуазия,как стран фашистских, так и демократических в одинаковой мере за испанских фашистов против демократического, законного, ею признанного, правительства Испании и помогает открыто и тайно восставшим генералам оружием, амуницией, аэропланами и деньгами. Теперь становится понятным, почему буржуазия с такой поспешностью ухватилась обеими руками за предательский по отношению к испанскому рабочему классу, «нейтралитет» Блюма-Сталина, нарушающий элементарные международные законы и договоры, заключенные испанским правительством, например, с Францией о закупке оружия и амуниции.

Откуда же испанский рабочий и крестьянин может ждать помощь? О, конечно, не от нейтральных «социалистов» типа Блюма, с лакейской преданностью служащих своему хозяину — буржуазии и оберегающих ее добро!

О, конечно, и не от фашистского коммунизма Сталина!

Эту помощь испанский рабочий и крестьянин может ждать помощь? О, конечбратьев рабочих и крестян всех стран. Только от них и ни от кого больше. И неужели мы, рабочие и крестьяне, не протянем им руку братской помощи, им, которые подняли знамя социальной революции, им, победа которых означает нашу победу? О, нет, этого не случится! Мы поддержим их всеми нашими силами, всей страстью нашего сердца!

Они нуждаются в оружии, им нужны медикаменты, нужна помощь калекам, вдовам и сиротам. Дадим же им все это в изобилии! Соберем наши медные гроши— нас много и гроши наши составят миллионы. Собирайте деньги! Давайте сколько только можете! Не жалейте, не скупитесь — на такое дело скупиться стыдно и преступно.

Будем бороться, каждый в своей стране, против интервенции, блокады; будем жестоко бойкотировать те страны, правительства которых помогают испанским фа-

шистам, врагам испанских рабочих. Есть много средств помощи — используем их все! Устраивайте сообща массовые митинги и предприятия. Собирайте по подписным листам, если нет — сообщите или обратитесь к ближайшей вам организации или группе.

При нашей дружной помощи испанский рабочий класс победит и его победа будет восходящим солнцем свободы и экономического равенства для всего трудящегося человечества на земле, которое рассеет сырую и зяблую государственно-капиталистическую ночь и обогреет весь мир труда.

Поможем! Поможем поскорей!

Да здравствует мужественный пролетариат Испании!

Да здравствует победоносная испанская социальная революция!

Да здравствует свободный анархический коммунизм!

Да здравствует геройская Национальная Конфедерация Труда и Федерация Анархистов Иберии!

Об'единенный Комитет Анархических Групп «Дело Труда» и «Пробуждение» г. Нью Йорка.

Все запросы, справки и корреспонденцию просим направлять по адресу:

United Libertarian Organization
45 West 17th St., (room 4)
New York, N. Y.

P.S. Пожертвования можно также направлять по адресу журналов «Дело Труда» и «Пробуждение».

ЭММА ГОЛЬДМАН В ИСПАНИИ

(ПИСЬМО)

Дорогие товарищи! Когда вы получите это письмо, я буду уже в Испании, вместе с нашими товарищами из С.Н.Т. и Ф.А.И., героически борющимися за наш идеал.

Внезапная смерть моего старого друга и товарища, Александра Беркмана, сильно расстроила меня, и я должна откровенно сказать, что клич наших испанских товарищей спас меня от подавленного состояния духа. Ибо, может ли быть лучшая радость, как посвятить свои силы борьбе наших братьев в Испании? Возможна-ли более важная и священная задача?

Я от'езжаю сегодня в Испанию. Я намерена служить делу, о котором я мечтала долгие годы, со времени моего вступления в анархические ряды в 1889 году. Со всей силой души я стремилась к такому героическому поединку, в который вступили теперь славные испанские товарищи, т. е. к борьбе не только против фашизма, но и за осуществление того идеала, во имя которого до сих пор отдавали свои жизни многие из наших лучших товарищей. В этом и заключается самая важная сторона испанской революции! Это впервые в истории, когда наши товарищи проводят творческую работу, борясь в то же время с такой самоотверженностью против врага. Испанские товарищи своей героической борьбой примерно показывают, как надо делать революцию. Они конкретно показывают, что пророческие слова М. Бакунина: «Дух разрушающий есть дух созидающий» являются правильными и жизненными.

Испанские революционеры вполне учитывают трагические ошибки русской революции. Лицом к лицу со смертельной опасностью, наши товарищи употребляют все усилия и энергию на реорганизацию экономической жизни, — вместо того, чтобы организовать государственный аппарат, они создают новые воспитательные институты, помогают больным и бездомным. Это, по моему мнению, событие огромной важности: в Испании кладется новый фундамент конструктивной работы в момент, когда революция защищает свое право на жизнь. Если даже интернациональной банде фашистов удастся сокрушить испанскую революцию, ее героический размах все же останется несокрушимым.

В. Н. КРАВЧУК
(НЕКРОЛОГ)

Василий Никитич Кравчук! Я с ним был тесно связан общественной работой с 1920 года. Работали вместе в движении.

Всегда улыбались встретившись, пожимали друг другу руки, говорили об идейной работе и духовной жизни, без которой физическая жизнь ничего не стоит. А в последний раз (как жаль, что последний раз) встретились на собрании, созванном для помощи Испанской революции.

А через несколько дней случайно узнаю, что Василий Кравчук умер. Не хотелось верить. Неужели он, будучи полон жизни и желания жить, мог оставить нас, уйти туда, откуда возврата больше нет?! Пришлось поверить и согласиться с печальным фактом, когда увидел его собственными глазами на смертном одре.

В. Н. Кравчук прибыл в Америку накануне мировой войны. Приехал сюда, как и большинство русских, на временные заработки. Разразившаяся война заставила его остаться в стране Колумба. Наступил бурный революционный 1917 год, когда вспыхнула революция в России. В русской колонии в США произошла своего рода революция и переворот: русские пошли в организации, потянулись к книге, свету и знанию. Волна эта полностью захватила и В. Кравчука. Он вступил в ряды Союза Русских Рабочих, был передовым работником в этой организации. Скоро пальмеровщиной был арестован в Детройте и привезен в Нью Иорк на «Остров слез» для депортации, как передовый анархист и бунтарь против капиталистического мира.

Благодаря усиленному старанию идейных товарищей, В. Кравчук был освобожден с «Острова слез» через 10 месяцев. С тех пор В. Кравчук находится в Нью Иорке, где с головой отдается науке и знанию, к чему его влекло еще с раннего детства. Для добывания средств к жизни, он днем тяжело работает физически, по вечерам посещает вечернюю школу, в которой учится уму-разуму.

Не забывает, конечно, В. Кравчук и идейной работы, которой он очень дорожит и живет, считая, что это его духовная пища, без которой как рыба без воды, он не может жить. Он, несмотря на ограниченное время, посещает идейные собрания, лекции и масс-митинги. Много читает запоем и изредка пишет для газ. «Рассвет» о наболевших вопросах. С помощью знакомого большевика - делегата из Детройта он пробирается на тайный с'езд большевиков в Нью Иорке, слышит там ругань и закулисную работу против его идейных товарищей анархистов и разоблачает все это в «Р.», давая возможность узнать многим о гнусной демагогии большевиков.

В. Кравчук становится членом Кр Друзей Свободы и секретарем Нью-иоркского Комитета Помощи Музею имени П. А. Кропоткина в Москве. С 1932 года он также вступает в прогрессивный 25-й отдел О-ва РООВА и активно работает в комитете по устройству лекций и докладов.

Несмотря на свой вынужденный от-езд из Детройта, Мич., в 1919 году, В. Кравчук не забывает своих друзей в Дет-

---

Я еду в Испанию и я надеюсь всем сердцем, что мне удастся внести мою часть работы в важные исторические события. Моей единственной печалью является сознание того, что мой товарищ по борьбе, наш Саша, не дожил до этого грандиозного момента. Он ушел, и теперь, чувствую я, на меня падает задача выполнить — и для него и для себя — нашу общую работу. Дух Саши даст мне еще больше сил в проведении моей миссии в героической борьбе испанского народа.

Ваша за свободу,

Эмма Гольдман.

(С английского Л. Л.).

ройте; он продолжает состоять членом Кооперативного общества на Руссель улице до конца своей жизни.

Василия Кравчука русские в Нью Иорке знали, как честного анархиста и борца за дело униженных и оскорбленных, борца за раскрепощене рабочего класса. Его этика и миросозерцание были основаны на гуманных идеях Льва Толстого и П. Кропоткина. Идеи Толстого и Кропоткина были его идеи, за них он много страдал, боролся и нес их в рабочую массу.

В течение 10-ти лет В. Кравчук состоит членом разборщиков старых домов Локала 95 и принимает в нем самое горячее участие: постоянно находится в разных комиссиях, около года занимает должность делового агента, позже избирается на год финансовым секретарем и последние четыре с половиной года опять занимает ответственный пост финансового секретаря Локала 95.

Во всех организациях, где состоит В. Кравчук, отношение членов к нему самое хорошее и дружественное: своим нравственным поведением он никого не обижает, а всех уважает, включая даже своих идейных противников, на которых он старается действовать убеждением и хорошим примером.

В. Кравчук умер 23 сентября 1936 года, на третий день мучительной болезни от заражения крови и на 42 году жизни. Похороны взял на себя Локал 95 и похоронил так, как никого не хоронил за свое 20-летнее существование. Похороны состоялись 26 сентября.

День был ясный и субботний. К погребальщику Волынину на 7-ой улице Исполком Локала 95 русских разборщиков домов через местную русскую печать призвал всех 2,000 членов своей организации придти и почтить память своего финансового секретаря, старого и преданного рабочему делу товарища, которого все разборщики уважали. Пришло на похороны свыше 1,000 членов Локала 95.

Гроб с останками взяли на плечи русские разборщики и, под звуки похоронной музыки, направились к конторе Локала 95, расположенной в 8 кварталах. Гроб несли за большим автомобилем, покрытым венками из живых цветов. Всех венков от разных организаций и личных друзей было свыше 20. За катафалком стройными рядами шла с обнаженными головами огромная процессия разборщиков.

Часть разборщиков и анархистов, идейных товарищей покойного, в знак протеста, отказалась следовать за гробом и продолжала итти по сторонам улицы 1), что вызвало недоумение и раздражение следовавших за гробом.

Возле конторы Локала 95 процессия на время остановилась и ряд ораторов отметил важную роль В. Кравчука в рабочей организации по разборке старых домов, Локала 95.

От конторы Локала 95 процессия двинулась к православной церкви на Гаустон улице, а оттуда часть разборщиков на 40 автомобилях двинулась в Меспет на кладбище, где покойного предали земле.

У покойного родных в Америке не оказалось. Из родных у него осталось два двоюродных брата: Иван Обушков Кравчук, живущий в г. Запорожье, Екатеринославской губернии (СССР) и Михаил Кравчук, живущий в родной деревне Ворожбиты, Пружанского уезда, Гродненской губернии (Польша). Последнему покойный

---

1) Дело было так: после смерти В. Кравчука собрались представители анархических организаций с представителями Исполкома Локала 95, чтобы решить, как устроить похороны. Так как В. Кравчук был анархистом и атеистом, то анархисты предложили Локалу 95 сделать гражданские похороны, с чем Исполком Локала 95 не согласился, требуя сделать похороны по религиозному.

Анархисты не согласились, и напечатали в день похорон резкий протест в «Н. Р. Слове» против Локала 95, назвав лидеров Локала 95 торгашами, спекулирующими мертвым телом и отказались принимать участие в похоронах.

Голодный бунт

Л. С. Продан посвящается.

1.

Жизнь отвергнет любую поэму, —
Я для жизни иные стихи:
Губы вымокли красною пеной,
Тело высохло в горне тоски.
И в молчаньи, без стонов и жалоб
Человеческий бунт возростал;
Голод лютый сверлящее жало
Часто в юное тело впивал.
И казалось, что острые кости
Прорезали телесную ткань;
Сердце ныло от бешеной злости
И взывало: Проклятый, восстань!
Так сжимать протестующие руки...
На ладонях пятерки ногтей!
Так смотреть, застывая от муки,
На довольных и сытых людей.
Не любовь это Чудо творила,
(Как секира, сражает Любовь!)
Только Голод, тая свои силы,
Тихо пьет человечию кровь,
Только Голод, безмолвно — жестокий
Стережет свою жертву, как тать.
Как погиб от Него Одинокий,
Я хочу вам, друзья, разсказать.

2

Для художника меткие краски,
Что для малых детей шеколад.
Начиная правдивую сказку,
Без'искусно рисую квадрат.
Вместо неба — чердачная крыша
Слева — дверь, а направо — окно.
Даже мыши, домовые мыши
В этой комнате жили давно.
Мой герой, удивительный, право,
Скорбной тенью в углу восседал;
Нерожденный для блеска и славы,
Он в страданьи упорно молчал.
А вокруг было буднично, серо;
Город нудно, надрывно шумел.
Тот, кто жизни воздал полной мерой,
Чашу смерти отринуть хотел.
Не в саду Гефсиманском: Голгофа
Отомщается радостью верь.
Мой герой пил медлительно кофе
И держал под рукой револьвер.
Из очей вдохновения стрелы
Не метал он в грядущее: «Будь».
Нет, рука его тихо, несмело
Защищала дрожавшую грудь.
Но с настойчивой жалостью дуло...
Там, где сердца живительный дом..
За лихими трамбайными гулами
Не услышишь дымящийся гром.
Только чуткое ухо соседки,
Да еще прибежавший солдат
С глупым выкриком выскочил: «Метко!
Прямо в сердце свинцовый заряд!»
И лежало недвижное тело
На полу, где окурки и сор;
Око мертвое тускло глядело,
Затаив Неизбывный Укор.

Анатоль Консе.

завещал свой страховый полис в О-ве РОВА на 500 долларов. Наличных у покойного осталось 30 долл.

Уход В. Н. Кравчука для разборщиков и анархистов — большая потеря. Он был честный, передовой, отзывчивый и преданный рабочему делу и анархизму товарищ.

Мир праху твоему, дорогой друг и товарищ!

Нью Иорк. **Д. Г.**

НОВЫЕ КНИГИ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Жизнь Н. Махно» Роман 0.75

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ. «Батько Махно». Разсказы 0.65

«Пророчества Л. Н. Толстого» собрал и составил З. Иоффе 0.65

Н. МАХНО «Русская Революция на Украине. 0.65

М. НЕТТЛАУ. «Цели и методы анархизма 0.65

Н. МАХНО. «Под ударами контр- революции том 2, под редакцией с предисловием примечанием тов. Волина 0.75

Новый адрес журнала «МАН»
MAN. H. Havel, P.O. BOX 49 Sta D.
Nw Yor, N. Y.

Наши задачи

Да, легче ,друзья, быть теоретиком, но труднее проводить теории в жизнь.

Нашим современным идеалистам не хватает силы воли, смелости. Они все хотят быть сзади и боятся, не хватает у них энергии быть первыми, быть авангардом. Они по своей неискренности и привычке к старым погрешностям непоследовательны проповедуемым ими идеям. Они люди массы, массы современной, непостоянной, несамостоятельной; массы испорченной всеми современными институтами. Благодаря, я скажу, трусости и, скажу даже, нетвердости в своих убеждениях они ждут массы, они ждут толпы, испорченной уже, чтобы она своим выступлением осуществила их идеи.

Да как же можно ждать массы и, наконец, как можно верить ей, только временно возбужденной обострившимся положением и жгучими речами?! Воспользовавшись ее минутным увлечением для низвержения ваших врагов, вы на завтра же должны будете стать рабами массы, чтобы в свою очередь не быть сметенным ею. Вы современные идеалисты, играете двойственную роль.

С одной стороны вы проповедуете новые идеи и требуете отречения от старого мира, а с другой, сами, в своей практической жизни, идете рука об руку с вашими врагами и противниками ваших взглядов.

Вы в идее, в теории стоите выше массы. Ваши мысли и ваши стремления уводят вас далеко впереди нее, а в своей повседневной жизни, в своих поступках и в отношениях с товарищами опускаетесь до массы, ждете ее и вместо того, чтобы показать ей пример, подражаете ей. Нет, я с этим сживаться не хочу. Я не хочу вечно носить с собою этот позор; прятаться вечно во взлелеянных мною юных годах и неотступно преследующих меня и поныне идеалов правды; я не хочу отталкивать от себя самые жгучие вопросы, которые не перестают быть вопросами, покуда не разрешатся прямым и правильным путем.

Я со всей силой своей искренности повторяю: «Буду жить так, как хочу, или вовсе жить не стоит». А жизнь моя, — это мой идеал, а радость моя,—это жизнь, согласно понятым мною и указанным выше идеальным началам; основание идеального кружка, который будет образцом и началом нового человеческого общежития, к которому на продолжении столетий стремятся сердца лучших человеческих сынов; общежития на началах Свободы, Равенства и Братства.

Итак, вы видите, друзья, что я настаиваю, прежде всего, на личной последовательности проповедуемым идеям; последовательности, несмотря ни на какие препятствия; последовательности во что бы то ни стало.

Деморализируя современный «порядок»; протестуя против вопиющих скандалов современного строя и призывая массы на революционные выступления, ты прежде всего, товарищ, соверши революцию в самом себе, не делай ничего, что определяется словами «зло», «неправда», «несправедливость», «жестокость» и пр., так как зло и неправда приводят к противоречиям и сталкиваниям; так как на началах несправедливости и жестокости не может строиться и функционировать никакая общественная жизнь, не может создаваться никакая общественная мораль. Только нравственное совершенство и строгая последовательность преобразователей может быть залогом прочности совершаемых преобразований.

Вы, желающие посвятить свою жизнь и силы на борьбу за свободное счастливое человечество, прежде всего откажется от стремления к коплению денег; откажитесь от права издавать законы и правила для других; откажитесь от принудительных и насильственных приемов в воспитании подрастающего поколения; порвите всякую связь с какой бы то ни было национальной и религиозной группой, включая и ту

национальную группу, к которой приписали вас при вашем рождении.

Не оскорбляйте понятия свободы личности не только тем, что сами вы никого не эксплоатируете и не угнетаете, но ни в каком случае не давайте угнетать и эксплоатировать себя. Во что бы то ни стало не принимайте никакого участия в какой бы то ни было отрасли деятельности, которая кому - нибудь набивает карманы; которая кому - нибудь укрепляет позицию власти и эксплоатации. Не устраивайте частных торговых дел, мастерских или фабрик и не идите работать на другого. Не посещайте никогда церквей, синагог, костелов и пр., игнорируйте и не имейте никакого дела с разными попами, раввинами, ксендзами и т. под. духовными лицами.

И отрекитесь от старого мира; силой воли и жгучего протеста разорвав перед собой пути к отступлению, — не падай духом, товарищ, и не бойся, очутившись между угрозами темных продажных сил разбойничьей правительственной шайки. Собирай свои силы, укрепляй свою позицию и не отступай. Сотни, тысячи глаз ищущих истину молодежи с трепетом и надеждой устремлены на тебя, передовой борец за торжество идеала свободы и труда на началах анархического коммунизма; сотни, тысячи изнывающих под гнетом капитала людей помогут тебе и не выдадут тебя, если только ты сам себя не выдашь и если ты останешься только на той идеальной высоте, которую они вправе ожидать от тебя, доверяя тебе дело осуществления их заветных идеалов.

И вот что ты сделай. Иди к друзьям, товарищам твоим и единомышленникам, и скажи им, что будешь живым воплощением тех истин, которыми они когда-то воодушевлялись, обладая еще юной и пылкой душой.

Иди к рабочим и ко всем угнетенным и униженным и об'яви, что ты идешь положить начало мира коммунизма в противовес миру эксплоатации и частной собственности; мира анархии в противовес миру власти и порабощения личности.

Требуй и их поддержки и помощи, которую, я не сомневаюсь, они дадут тебе, доставай землю и орудия производства, начинай работать и производить, потребляя для себя только необходимое. А выработанный же излишек, превратив в средство приобретения новых участков земли и орудий производства, — привлекай новых членов для сожития на свободных анархических началах.

А. Эйдинов.

МОЛОТ

Молот, молот, болот... Бей..
Молот, спускайся, вздымайся быстрей..
Молот, наковальню жадно люби..
Молот, измену, как стекла, дроби..
Молот, вздымайся
И опускайся,
Гибелью всем, кто за рабство, грози!
Молот, крещеньем огня окропленный,
Сталью, как красный кумач, раскаленной
Всех, кто сдается, рази...
Молот, вздымайся, молот взлетай,
Молот бесстрашно победу нам дай..
Пошлую дряблость—с дороги прочь!
Прочь, кто бессилья не мог превозмочь,
Прочь, кому места нет в жизни огня,
Молот отбросит их, громом звеня.
В жизненной битве каждый кузнец,
Только бесстрашный нам нужен пловец...
Волны, как молот, скалы дробят,
Волны, вздымаясь, бьют в набат...
Грозно несется немолчный звон,
Жадно вонзаясь в битву времен...
Звуки могучие ты вбирай...
Гимн их победный повторяй..
Молот, молот, молот... бей!

Молот, опускайся, вздымайся быстрей!
Молот наковальню жадно люби
Молот измену, как стекла, дроби..
Молот, вздымайся
И опускайся,
Гибелью всем, кто за рабство, грози,
Молот, крещеньем огня окропленный,

Сталью, как красный кумач, раскаленной,
Всех, кто сдается, рази..
Молот вздымайся, молот взлетай,
Молот, навеки победу нам дай!

Алекс. Струве.

Две книги о Махно

На русском книжном рынке в Европе и Америке появились две новые книги о Махно и махновском движении. Две книги и с двух точек зрения говорят о Махно, как о большом герое, бунтаре - революционере, его роли в русской революции и махновском движении, созданном им.

Личность Махно и его махновское движение до сих пор представлялись для широкого русского читателя за рубежом, в смутном виде. Враги Махно — монархисты и большевики — редко, но ядовито писали о Махно, как о «бандите», а о махновском движении, как о «бандитском» и «разбойничьем» движении.

Правдивая книга П. Аршинова «История Махновского Движения» не была известна для многих читателей, которые не переставали верить в ложь, которую враги Махно распускали по белому свету.

Выход книг в свет в текущем году, через 18 лет после борьбы Махно и его махновщины в русской революции, можно полагать, рассеет эту ложь о Махно, убедит русского читателя за-границей в обратном тому, чему он верил прежде.

А. Николаев, живой участник Великой Русской Революции, находясь за-границей, в г. Риге, задался хорошей и благородной целью, — осветить личность Махно и махновщину в таком виде, в каком они себя представляли. Для этого он написал и издал в Риге две замечательные книжки под названием «Нестор Махно» и «Батько Махно».

Книга «Нестор Махно» представляет форму романа, показывающего, как Махно жил в детстве, чем занимался в юношестве, что он делал в Русской Революции 1905 года, за что был заточен в тюрьму, как освободила его Мартовская революция 1917 года из тюремного заточения и его живое участие в последней революции на Украине, родине Н. Махно.

Роман, конечно, не вымышленный, созданный острой фатазией ума, как обычно пишутся романы. Это подлинно живой образ самого Махно и махновской партизанщины, яркая картина той свободной стихии, имя которой революция.

Вторая книга «Батько Махно» составлена из целого ряда ярких и живых рассказов из жизни махновского движения. В ней, как в зеркале, изображены живые картины этого метеорного движения. А. Николаев пишет свободно, ясно, понятно, давая одну картину ярче другой. Обе книжки А. Николаева читаются с захватывающим интересом. Они вполне заслуживают того, чтобы широко их распространить среди русских читателей за пределами России.

Д. Г.

НОВАЯ КНИГА Н. МАХНО

На-днях в Париже вышла из печати и поступила в продажу новая книга Нестора Махно. Книга является посмертным произведением выдающегося деятеля, создателя и руководителя партизанщины, на Украине.

Книга Н. Махно «Под ударами контрреволюции» — воспоминания Н. Махно о тяжелых и полных неудач и разочарований первых дней русской революции на Украине. В первой борьбе Махно с австро - немецкими оккупантами получает поражение, вынужденно отступает вглубь России, а оттуда готовится с новыми силами на борьбу с украинской буржуазией и помещиками оккупантами, являвшимися в то время полными хозяевами самой хлебородной части Украины.

По пути на Украину, Махно заезжает в красную Москву, где встречается впервые с видными анархистами П. Кропоткиным, П. Аршиновым, Л. Черным и другими, левыми социалистами - революционерами, Вл. Бурцевым и даже с Н. Лениным, который «благословляет» Н. Махно на поездку на Украину и снабжает его паспортом и пропуском.

Беседа Махно с Лениным составляет одну из интереснейших глав книги. Эта глава, как и многие другие, в книге на-

Стихи, мелкие заметки, сообщения

КОММУНИСТ О РУССКИХ АНАРХИСТАХ

Во второй статье о советских тюрьмах и ссылках, напечатанной в «Соц. Вестнике», коммунист Цилига сообщает:

«Из анархистов, кроме Сергея Тужилкина помню по фамилиям из челябинских изоляторцев Смирнова, бывшего комсомольца и Любимову (москвичку). Из ссыльных помню десяток человек. Среди них были: Батрак, студент московского университета, бывший комсомолец, замучен в Туруханске; только уже непосредственно перед смертью ГПУ согласилось перевести его юг, в Ташкент; Ионя Варшавский, старый одесский анархист, отбыв последнюю ссылку в Туруханском крае, в 1934 году был освобожден и затем вскоре снова арестован; Бармаш, старый анархист, агроном по профессии, был в 1934 году арестован в Енисейской ссылке и повторно отправлен в Верхне-Уральский изолятор, где находится и теперь.

Часть анархистов является исключительно боевой и товарищеской публикой, они присоединяются к любой борьбе против администрации какой угодно из осталь ных групп. В случае голодовок — явления довольно частые в советских тюрьмах и концлагерях (в Верхне-Уральском изоляторе, например, в 1928 — 1934 г.г. было пять крупных голодовок), — сравнительно большое число смертных случаев бывает именно среди анархистов. В голодовке в Мариинском концлагере в 1934 году, например, было два таких случая.

Нужно отметить два интересных явления, встречающихся у анархистов: 1) заметная часть анархистов состоит из бывших коммунистов, в особенности комсомольцев, чего в других социалистических группировках почти не встречается; 2) в то время, как социалистические и коммунистические группы (за исключением сионистов - социалистов) состоят из людей, вошедших в движение в 1917 году (а некоторые и еще раньше), в гражданскую войну и в начале Нэпа, — у анархистов имеется некоторая (небольшая) более молодая поросль более позднего и свежего набора.

После троцкистов анархисты, по числу, активности и боевому темпераменту, самая заметная часть населения советских тюрем и ссылок. Эти две группы составляют теперь подавляющее большинство политических заключенных в концлагерях».

писана живым и популярным языком и читается с большим интересом. В книге имеются предисловие и примечания известного анархиста Волина.

Книга «Под ударами контр - революции» является второй книгой Н. Махно, написанной им за-границей. Первая книга издана еще при жизни Н. Махно. Третья книга Н. Махно находится в печати и выйдет в свет в начале 1937 года. Книги Махно — живые документы русской революции. Для русского историка они явятся ценнейшим материалом. Не меньший интерес они представляют и для современного читателя, желающего знать подлинную правду о русской революции и его партизанщине на Украине.

Д. Г.

***

ГИБЕЛЬ ДУРРУТИ И ЭМИЛЯ БАРРАЛЯ

В боях, у Мадрида, погибли Буэнавентура Дуррути, известный анархист, командовавший каталонским отрядом, и один из выдающихся испанских скульпторов Эмиль Барраль.

Дуррути называли испанским Махно. Блестящий оратор и организатор, Дуррути проявил недюжинные военные таланты. Он считался одим из лучших каталонских военных стратегов. Его отряд особенно отличился у Сарагоссы. В Мадрид Дуррути прибыл с своим отрядом в самый критический момент, когда столица казалось находилась накануне падения.

Каталонцы отличились и на мадридском фронте. Наступление повстанцев было задержано, но многие храбрые бойцы

пали, в том числе и их полководец Дуррути. Командиром каталонцев назначен Хуан Гарсия Оливер (анархо - синдикалист), занимающий пост министра юстиции в мадридском правительстве.

ЭММА ГОЛЬДМАН НА ФРОНТЕ

Находящаяся в Барселоне известная анархистка Эмма Гольдман об'езжает фронт и воодушевляет лойялистов на борьбу с фашистами.

Не особенно давно она побывала на фронте у каталонцев и имела свидание с Дуррути, погибшим у Мадрида.

По словам Э. Гольдман, во многих испанских деревнях на практике осуществляется анархо - коммунизм, в основу которого положено добровольное соглашение. Испанский коммунизм отличается от советского тем, что в колхозы вступают не по принуждению, а добровольно. Наряду с коллективами сохраняются индивидуальные хозяйства. То же самое явление наблюдается в городах, где рядом уживаются общественные предприятия с частными.

ПОХОРОНЫ Б. ДУРРУТИ В МАДРИДЕ

Здесь сосоялись похороны анархиста-синдикалиста Б. Дуррути, погибшего во время сражения у Мадрида в прошлую пятницу.

Похоронная процессия, в которой принимало участие полмиллиона человек, растянулась на несколько миль. Черные флаги преобладали.

Дуррути принадлежал к группе «больанархо - синдикалистов, погиб в Барселошк̈х трех», из которых в живых остался только Хуан Гарсия, занимающий пост министра юстиции.

Франциско Асказо, второй из лидеров пе при взятии казарм, в которых засели повстанцы.

ЕПИСКОПУ, НАЗВАВШЕМУ МЕНЯ АТЕИСТОМ

Я атеист? Ну что ж, поговорим всерьез.
Шпионить, в душу мне совать лукавый нос,
Поглядывать в замок, подслушивать у двери,
Искать во мне исток сомнений и неверий,
Листать мое досье, запрашивать в аду,
Из-за угла следить—куда и с кем иду,
Что отрицаю я, во что я твердо верю.—
Не стоит, мой отец: ведь я не лицемерю,
Я правду вам скажу,—я человек прямой.
Когда мы говорим о старце с бородой,
Подобном королю, в сияющей короне.
Кто благостно сидит на театральном троне,
Средь жирной тучи, где порхает голубок,
Где слева ангел встал, а справа встал пророк,

Кто обнял бледного израненного сына;
Кто в троице один; кто арфам внемлет чинно;

Кто гневен и ревнив: о ком Гарас поет.
Кого толкует Плюш и признает Непотт—
Да, если речь о нем, кто перед медным змеем

Свой растоптал народ, забытый Моисеем;
Кто миро льет на лоб разбойников-царей,
Но за грехи отцов терзает грудь детей,
Кто солнцу повелел порадовать Навина—
Застыть, рискуя тем, что лопнет вдруг пружина;

Кто скверный землевед и астроном дрянной;

Кто, рот перекосив, сжимает меч рукой,
И бедный род людской карая век от века,
Сам стал подделкою огромной человека;
Кто редко милует и радостно казнит,
И, обходя закон, с мадонной суд вершит;
И в небе голубом заимствует пороки
Земли, а для нее хранит свой бич жестокий

И нарушает лад, и потрясает мир;
Кому, покорствуя, идут Камбиз и Кир,
Атилла бешеный, Немврод, подобный зверю,—

В такого бога я, о, мой отец, не верю.

ВИКТОР ГЮГО.

Перевел Г. Шенгели.

Уважаемые друзья и товарищи,

Успех нашего движения в Америке, Канаде и Южной Америке зависит в значительной степени от об'единения всех сил вокруг журнала «Пробуждение».

Теперь, когда большевизм в России, а фашизм в Германии и Италии разгромил наши организации, задушил нашу печать, заточил в тюрьмы, сослал в ссылки всех наших товарищей, нам необходимо широкое распространение как устно, так и печатно наших идей и создание союзов, клубов, групп принципиально устойчивых, которые были бы верными вдохновителями и борцами за свободное общество. А поэтому мы обращаемся к старым товарищам, работавшим в наших рядах, но в последние годы по тем или иным причинам выбывшим, возвртиться в наши ряды и работать совместно с нами во имя свободы для всего человечества.

Во-первых, необходимо, чтобы союзы, группы и прогрессивные организации устраивали лекции, доклады, концерт-балы и вечеринки, открыли добровольные фонды и собирали по подписным листам деньги на издание журнала и ведение пропаганды наших идей; во-вторых, было бы очень хорошо, чтобы все товарищи, получающие журнал «Пробуждение» для распространения, расплачивались за проданные номера каждый месяц. Этим вы облегчите финансовое положение журнала и дадите возможность выпускать его регулярно без дефицита; в третьих, необходимо, где только есть сочувствующие нашему движению, взять на себя распродажу журнала «Пробуждение» и нашей литературы; в четвертых, не забывать, что в 1937 году в апреле месяце исполнится 10 лет со дня выхода первого номера «Пробуждение». Федерация решила выпустить юбилейный номер в увеличенном размере, а поэтому убедительно просим всех прислать статьи, корреспонденции и деньги на этот номер.

Все деньги, статьи и корреспонденции просят направлять по адресу журнала.

Секретарь.

КРАТКАЯ ПАМЯТКА О НЕСТОРЕ МАХНО 1)

28 июля сего года исполнилась двух-летняя годовщина смерти анархиста Нестора Махно. Личность названного настолько гениальна, идейна и легендарна, что достойна полного внимания читателей. Напоминаю вкратце о ней.

Руководитель вооруженных, доходивших численностью иногда до 100 тысяч человек, повстанческих сил на юге Украины, талантливый, не потерпевший ни одного поражения, полководец, пламенный агитатор, опытный военный организатор, вождь и идеолог крестьянского, низового движения неустрашимый борец за народные идеалы, непоколебимый анархист, овеянный романтикой рыцарь, легендарный герой и в конце концов публицист.

Сочетав в себе силу воли с верностью анархическим идеям, он с юношеских лет, до конца своей жизни, оставался самоотверженным, непоколебимым защитником трудящихся. Подводя итоги его заслугам можно сказать, что Н. Махно во 1-х является защитником и охранителем русской революции от реакции: не нанеси он с повстанческими войсками 27 сентября 1919 года сокрушительного удара реакционной Деникинской армии, последняя бы с успехом форсировала бы Москву, сведя на нет завоевания пролетариата.

Второй заслугой Махно нужно считать утверждение в умах миллионов людей идеи махновщины, т. е. Анархизма, названной так по имени идеолога и вождя этого движения.

Третья не менее важная заслуга перед трудящимися выявление его бунтарства, которым он давал изумительные примеры того, как нужно стойко, самоотверженно и героично бороться за великую идею Анархизма, несущую полное раскрепощение трудящихся от оков права, собственности и государстваа.

Алексей Николаев.

1) В книжном складе «Пробуждения» имеются две книги этого автора: 1) «Жизнь Н. Махно», роман, 2) «Батько Махно».

ОТЧЕТ ПО ИЗДАНИЮ «ПРОБУЖДЕНИЯ» ОТ 1-го ИЮНЯ ПО 30-е НОЯБРЯ 1936 г.

ЗА «ПРОБУЖДЕНИЕ»

Филадельфия, Группа «Пробуждение»	17.70
Нью Иорк, Кр. Д. Свободы	12.00
Гамилтон, П. Якимов	8.00
Виндзор, Р. С. Самообразование	7.75
Балтиморе, О-во Самообразование	12.50
Вотербури, В. Арсенюк	5.00
Енглвуд, С. Дубас	5.00
Юнгстон, С. Медынич	3.00
Нью-Кестл, М. Осипук	4.00
Эмбридж, П. Руль	2.70
Аргентина, И. Данилов	2.00
Бразилия, И. Ильченко	1.00
Бруклин, Б. Войтович	1.00
Нью-Бритон, Т. Родек	1.50
Ст.-Лукс, Ф. Лукьянчук	1.00
ВСЕГО	84.15.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД

Ленсинг, Н. Иванов	5.00
Бронкс, Б. Гершенфельд	5.00
Ниагара Фолс, Р. Маловичко	5.00
Ром, И. Шмигель	3.50
Фригел, Д. Савоник	3.00
Виндзор, Р. С. Самообразование	6.50
Либерти, Г. Сыч	3.00
Канада, Т. Мартынюк	2.00
Нью Иорк, К. Д. Свободы	1.44
Нью-Бритон, П. Бров	1.00
Эмбридж, П. Руль	1.00
Филадельфия, И. Полюбанский	1.00
ВСЕГО	37.44.

ПО ПОДПИСНЫМ ЛИСТАМ

Аргентина, через т. А. Куницу, ном. 1.	6.00
Виндзор, через т. К. Талан, ном. 46	3.70
ВСЕГО	9.70

Детройт:

Профсоюз	40.00
Подписной лист ном. 44:	21.00
«Пробуждение»	15.15
От розыгрыша книг	7.75
П. Ковальчук	2.00
С. Перец	2.00
П. Тарасенко	1.00
ВСЕГО	88.90.
Общий приход	**220.19.**

РАСХОД:

Издание «Пробуждение» —	135.00
За книги о Махно А. Николаеву	20.00
Тов. М. Ю.	10.00
На книги Н. Махно	10.00
Перевод статей	16.50
Почтовые расходы	20.41
Старый дефицит	71.25
ИТОГО	283.16.
Остается еще дефицита	62.97.

Товарищи! Обратите внимание на этот отчет, который ясно указывает на недостаток средств на издание федеративного органа «Пробуждение». Поэтому необходимо, чтобы все товарищи, получающие журнал для распространения, расплачивались за проданные номера. Этим вы облегчите финансовое положение журнала и дадите возможность выпускать регулярно.

Комиссия: М. Г., Т. Ш.

В ФОНД «ПРОБУЖДЕНИЯ»

Собрано по подписному листу номер 1 в Буэнос-Айресе товарищем А. Куницей:

Жертвовали:

Н. Царик 2.00, С. Курка 2.00, С. Гороховский 2.00, М. Куница 1.00, А. Куница 1.00, М. Герасимович 1.00, А. Сигрей 1.00, И. Челей 1.00, Г. Тавралсик 1.00, М. Морозович 1.00.

ВСЕГО 13.00 пезы.

«ФРИДОМ» НУЖДАЕТСЯ В МАТЕРИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ

Товарищи из Англии прислали письмо, в котором они указывают на тяжелое материальное положение анархического журнала «Фридом», издающегося в Лондоне.

Журналу, в котором когда-то сотрудничали П. Кропоткин, Малатеста и другие известные анархисты, грозит закрытие, если своевременно товарищи не придут ему на помощь.

Адрес журнала «Фридом»:

FREEDOM:
R. Barr, 106 Coningham Road,
London, W. 12. ENGLAND